

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru

ISSN: 2542-128X

№11(106)

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
И ФИЛОСОФИЯ

МОСКВА, 2025

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ

*Сборник статей по материалам CVI международной
научно-практической конференции*

№ 11 (106)
Ноябрь 2025 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2025

УДК 1/14+31/34+93/94

ББК 6+87

НЗ4

Председатель редакционной коллегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Нестеренко Алена Юрьевна – кандидат культурологии, эксперт Управления академической экспертизы НИУ ВШЭ;

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук, проф. кафедры истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Кострома.

НЗ4 Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам CVI междунар. науч.-практ. конф. – № 11(106). – М.: Изд. «МЦНО», 2025. – 96 с.

ISSN 2542-128X

Статьи, принятые к публикации, размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ББК 6+87

ISSN 2542-128X

© «МЦНО», 2025

Оглавление

Статьи на русском языке	6
Раздел 1. История и археология	6
1.1. Всеобщая история	6
ЦЕННОЕ НАСЛЕДИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ Алиева Гюлара Алван кызы	6
Раздел 2. Юриспруденция	12
2.1. Административное право; административный процесс	12
ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ Колмакова Евгения Александровна Финогентова О.Е.	12
2.2. Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	19
ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАДЛЕЖАЩЕГО ОТВЕТЧИКА ПРИ ОНЛАЙН ДИФФАМАЦИИ Касимова Олеся Алексеевна	19
КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ КАЗАХСТАНА: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ Корнеев Павел Сергеевич	23
КОСМЕТОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛУГИ КАК ВИД МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ Марьенкова Наталья Сергеевна	28
ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ЕДИНСТВЕННОЕ ЖИЛЬЕ ГРАЖДАНИНА- ДОЛЖНИКА В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА Миронов Андрей Александрович	33

СПЕЦИФИКА КУПЛИ-ПРОДАЖИ НЕЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ Шишлова Александра Ивановна	40
2.3. Судебная деятельность; прокурорская деятельность; правозащитная и правоохранительная деятельность	46
ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦ, ПОДЛЕЖАЩИХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЕ Ковалёв Сергей Викторович	46
2.4. Уголовное право и криминология; уголовноисполнительное право	54
ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ САЛДО ЕНС НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА Васильева Евгения Григорьевна Хачак Бэла Нальбиевна Шадже Азамат Мухамчериевич	54
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЁННОГО РЕБЁНКА (СТ. 106 УК РФ): ДЕФИНИЦИИ, ДОКАЗЫВАНИЕ, СОУЧАСТИЕ Крижановская Нина-Лиза Андреевна	68
ПОЖИЗНЕННОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ: СООТНОШЕНИЕ С ПРИНЦИПОМ ГУМАНИЗМА Хамзина Анель Мерекеевна	78
2.5. Уголовный процесс	85
ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ДОВЕРЯЕМ ЛИ СЛЕДОВАТЕЛЮ И ДОЗНАВАТЕЛЮ ПРИНИМАТЬ ТАКИЕ РЕШЕНИЯ? Аристов Илья Павлович	85

Articles in English	90
Section 1. History and archaeology	90
1.2. General history	90
HISTORICAL AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT FEATURES OF THE KYRGYZ DIASPORA IN KAZAKHSTAN (1991–2023) Sadvakassova Zhanar Kapassova Gulnara	90

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

РАЗДЕЛ 1.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

1.1. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ЦЕННОЕ НАСЛЕДИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Алиева Гюлара Алван кызы

канд. ист. наук, доц.,

Гянджинский государственный университет,

Азербайджан, г. Гянджа

THE VALUABLE HERITAGE OF THE AZERBAIJAN DEMOCRATIC REPUBLIC

Aliyeva Gulara Alvan kyuzy

PhD in History,

Associate Professor,

Ganja State University,

Azerbaijan, Ganja

Аннотация. Статья посвящена истории создания Бакинского государственного университета в период Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920 гг.) и анализу его роли в развитии национальной системы образования. Рассматривается процесс подготовки, обсуждения и принятия закона об учреждении университета, формирование его факультетов и профессорско-преподавательского состава, а также особенности обеспечения равного доступа к образованию для мужчин и женщин. Особое внимание уделено деятельности правительства АДР по внедрению

национального образования и привлечению высококвалифицированных специалистов, что позволило создать первый высший учебный институт в стране и заложить фундамент дальнейшего развития науки и образования. Статья опирается на архивные документы, законы, а также труды современных историков.

Abstract. The article is dedicated to the history of the establishment of Baku State University during the Azerbaijan Democratic Republic (1918–1920) and examines its role in the development of the national education system. It explores the process of preparing, discussing, and adopting the law on the foundation of the university, the formation of its faculties and academic staff, as well as the provision of equal access to education for both male and female students. Particular attention is given to the activities of the ADR government in implementing national education policies and attracting highly qualified specialists, which enabled the creation of the first higher education institution in the country and laid the foundation for the further development of science and education. The study relies on archival documents, laws, and modern historical research.

Ключевые слова: Азербайджанская Демократическая Республика, Бакинский государственный университет, национальное образование, высшее образование, реформы 1918–1920 гг., женское образование, история образования в Азербайджане, развитие науки, академический состав.

Keywords: Azerbaijan Democratic Republic, Baku State University, national education, higher education, 1918–1920 reforms, female education, history of education in Azerbaijan, development of science, academic staff.

Начиная с начала XX века, возвращение к национальным корням в Северном Азербайджане, национальное пробуждение и самоопределение постепенно стали охватывать все стороны жизни Азербайджана. В это время партии, союзы и организации сыграли ключевую роль в национально-освободительном движении и в создании национальной системы образования [4, с. 13–28]. Распространение национального пробуждения и национального самоопределения способствовало образованию в начале века на севере Азербайджана Азербайджанской Демократической Республики.

С самого первого дня своего создания АДР начала претерпевать радикальные изменения во всех сферах общественной жизни. Одним из основных аспектов внутренней политики АДР было внедрение государственного образования на новой национальной платформе. С этой целью 30 июня 1918 года правительство учредило в Гяндже канцелярию Министерства образования и Н.Юсифбеги был назначен министром

образования. Оно внесло свой вклад в развитие нашего национального образования, проводя политику национализации образования. В числе реформ в этой области правительство Азербайджана сыграло важную роль в развитии высшего образования и повышении квалификации.

Правительство Азербайджанской Народной Республики первоначально намеревалось создать три университета: Бакинский государственный, Сельскохозяйственный институт и Государственную консерваторию. Позже, однако, был открыт только Бакинский государственный (ныне Бакинский государственный университет).

В начале 1919 года в Тбилиси был направлен Хамид бек Шахтахтински, заместитель министра народного просвещения в Министерстве образования. Он предлагал перенести в Баку русский университет, обещая директору Университета Южного Кавказа Разумовскому хорошие здания и финансовую обеспеченность [3, с. 76; 11, с. 201]. Однако это предложение не было одобрительно встречено преподавателями университета. По вопросу перевода была сформирована специальная комиссия, которая была направлена в Баку для переговоров с правительством АДР, и в ходе переговоров стало ясно, что правительство готово пойти на любые жертвы для открытия университета. Делегации было дано время до 1 мая 1919 года [3, с. 78–79; 11, с. 201; 8, с. 15–16]. Но решение вопроса было несколько затянуто. Уже 1 мая 1919 года заместитель министра просвещения при АДР Г. Шахинский направил телеграмму В.И. Разумовскому о том, что в Баку открывается новый университет. Он предложил Разумовскому организацию нового учебного заведения. Видный ученый принял это предложение и направился в Баку [6, с. 80; 1, с. 16]. К 19 мая 1919 года было принято решение об учреждении университетской комиссии, а правительство утвердило состав университетской комиссии. В состав нового учреждения вошли проф. В.И. Разумовский (зав.), проф. А.М. Левин, проф. Н.А. Дубровский, наряду с И.А. Бабушкиным (секретарь) В.И. Ирзаев, М.А. Шахинский, Аледжаббар Оручелиев, А.Н. Сарапов, М. Султанов, а также представители городского самоуправления А.Н. Сарапов, М. Султанов. Они оперативно проводили интенсивные совещания [10, с. 10]. 31 мая комиссия представила законопроект об открытии университета в Баку, состоящий из 14 глав, Устава и нужд университета в Министерство образования. Законопроект был обсужден 7 июля, и было решено, что в течение 1919 / 20 учебного года будут открыты первые курсы права, физики, филологии и первые четыре курса медицинского факультета. Проект создания университета обсуждался в июле-августе 1919 г. на законодательных, финансовых и совещаниях парламента, об увеличении финансовых средств с 3,5 млн. руб. до 5 млн. руб., повышении заработной платы преподавателя [10, с. 10–11, с. 19–25]. Законопроект о создании университета был

обсужден в парламенте АДР 21 августа 1919 года. Однако в ходе дискуссий наблюдались серьезные разногласия. В результате «Ахрар», нейтральная мусульманская группа «Иттихад» и другие не соглашались с тем, что вуз будет русскоязычным, и требовали, чтобы он функционировал на азербайджанском языке [3, с. 82–85; 11, с. 201–202]. Вскоре, однако, разнообразие идей было остановлено прогрессивными членами парламента и их предшественниками. Ф.Х. Хойский, Н. Юсифбаев, Р. Гапланов, Г. Шахтахтинский и М. Расулзаде участвовали в открытии Бакинского государственного Дарюлфуна. В.И. Разумовский писал: «В обществе и парламенте существовало движение, которое выступало против открытия университета. Мы все больше исходили из того, что расстановка вопроса в парламенте и затягивание вопроса не были случайными, кем-то руководимыми. Начатые переговоры с правительством и наиболее влиятельными членами парламента выявили истинных друзей университета и образования» [6, с. 84–85]. В итоге в парламенте было проведено голосование за учреждение университета. Разумовский отмечал, что «это стало возможным благодаря усердию и образованности Расулзаде» [6, с. 85]. 1 сентября 1919 года парламента АДР принял «Закон об учреждении в Баку государственного университета» [2, с. 101–103]. Согласно этому документу, Бакинский университет должен был состоять из четырех факультетов: факультета истории и философии Восточного отделения, физико-математического факультета, права и медицины. На год были выделены средства только двум факультетам училища: медицинскому и историко-философскому. Статья 3 Закона давала право университетскому совету приглашать первого ректора университета и декана факультета приглашать на три года [2, с. 102]. Статьи 6 и 7 Закона предусматривали, что в течение 1919–1920 учебного года университет получит 5 миллионов манатов на его продвижение и оснащение и 10 миллионов 857,5 тысяч манатов на все расходы по содержанию. В ходе приема гражданам Азербайджана был отдан приоритет. Кроме того, было отмечено, что в мусульманском и турецком мире, отношение к женскому образованию соответствует европейским парламентам, согласно статьям 8 и 9: «Студенты и талибы Южного Кавказа и Дарюлфуна... Пройти те же курсы Баку, Дарюлфуна... разрешено всем студентам. Новые студенты – как мужского, так и женского пола – зачисляются на общих основаниях» [2, с. 102–103]. Однако несмотря на то, что был принят закон об открытии университета, для его функционирования еще предстояло проделать большую работу. Правительство АДР 8 сентября 1919 года приняло решение об утверждении ректора и декана Бакинского государственного университета. Новое решение свидетельствовало о том, что профессор оперативной хирургии, профессор В.И. Разумовский назначается ректором, профессор кафедры патологической анатомии И.И. Широкогоров – деканом

медицинского факультета, в случае его отсутствия профессор А.М. Левин, а доцент кафедры «Всеобщая история» утверждается деканом историко-философского факультета [7, с. 22].

10 сентября 1919 г. Комиссия пригласила ряд видных русских профессоров и ученых для работы в университете [7, с. 22]. Последнее заседание университетской комиссии состоялось 15 сентября 1919 года, и был сформирован Временный совет и Совет Руководителей Университета. Однако вскоре после этого в университете почувствовалась нехватка специалистов, и после 20 сентября В.И. Разумовский и Н.А. Дубровский отправились в города южных университетов России для привлечения недостающих учителей, а ряд ученых был приглашен в Баку [7, с. 22–23]. Профессор В.К. Финкенштейн, член совета университета, ездил в Западную Европу, чтобы предоставить учебники и оборудование. В результате в течение 1919–1920 учебного года в университет было зачислено 104 человека, в том числе 43 профессора и частных доцента. [7, с. 23]. 29 сентября 1919 года на очередной 79-й сессии парламента был обсужден руководящий орган Бакинского государственного университета и его образовательная деятельность [10, с. 30–43]. В результате было принято положение, состоящее из 5 глав и 72 статей, а также определены два типа органов управления: Совет университета, руководящий орган университета и факультетские собрания; единоличные органы управления – ректор, профессор, деканы факультетов [2, с. 43–55]. Профессора, доценты и частные доценты избирались ректором, профессором и деканом факультета университета сроком на три года. Профессора, доценты имели право голоса в совете [2, с. 49]. Учащиеся полных школ обоего пола, а также свободные слушатели считались студентами университетов, платили за обучение в размере 500 манатов, а руководящий орган имел право освобождать от платы за обучение до 10 процентов учащихся [3, с. 87–90; 11, с. 210–211]. В 1919–20-х гг. академический коллектив университета состоял из 44 штатов. Так, в течение первого учебного года в учебном году приняли участие 297 мусульман, 366 евреев, 209 русских, 181 армянин, 27 поляков и немцев, 13 грузин, 1 грек и только 1094 (217 свободных слушателей) [5] Первое заседание Совета университета состоялось 10 ноября 1919 года. В субботу, 15 ноября 1919 года, в университете был объявлен первый учебный день [3, с. 92]. Таким образом, в Азербайджане был создан свой первый университет, на стыке Европы и Азии был зажжен новый факел, и в историю азербайджанского народа была вписана новая блестящая страница.

Сегодня Бакинский университет – это университет с десятками факультетов, сотнями кафедр и тысячами профессоров-преподавателей и студентов. Его выпускники работают не только в различных учебных заведениях, государственных ведомствах и университетах независимой

Азербайджанской Республики, но и во всем мире. Бакинский университет также проводит обмен студентами и преподавателями с ведущими мировыми университетами. Спустя годы, после создания БГУ, в Азербайджане были учреждены десятки университетов. Создав этот университет, Азербайджанская Народная Республика дала нам ценное наследие. И наш главный приоритет – сохранить наше первое высшее учебное заведение как наше глазное яблоко и с гордостью передать его поколениям.

Список литературы:

1. Агаев К. 100-летняя школа. – Баку: Образование, 1976. – 256 с.
2. Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Законодательные акты: сб. документов. – Баку: Изд-во Азербайджан, 1998. – 560 с.
3. Атакишиева А.М. История Бакинского государственного университета. – Баку: Издание Бакинского университета, 1991. – 526 с.
4. Бабашов М.А. Роль благотворительных организаций в развитии нашего национального образования // Материалы науч.-метод. конф., посвященной второй годовщине образования Кавказского университета. – 1995.
5. Газета «Азербайджан». – 21 сентября 1919 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://realmap.az/web/page/gazeta-azerbaydzhan-1919> (дата обращения: 23.10.2025).
6. Конференция учителей Азербайджана (I–XII) (историко-хронологические, стенографические материалы. – Баку: Чашиглу, 2008. – 783 с.
7. Мохремов А. Бакинский университет. – Баку: Изд-е Бакинского университета, 2009. – 526 с.
8. Нериманов Н.С. Гаджи Зейналабдин Тагиев 50 лет на служение обществу. – Баку: Издательство «Наука», 1994. – 376 с.
9. Русскоязычное образование в Северном Азербайджане в XIX–нач. XX веков: дис. ... канд. наук. – Баку, 2014. – 187 с.
10. Создание Бакинского государства Дарюлфуна: сб. документов. – Баку: Изд-е Азербайджанского университета, 1989. – 88 с.
11. Энциклопедия Азербайджанской Демократической Республики. – В 2 т. – Т. 1. – Баку: Издательство «Лидер», 2004.

РАЗДЕЛ 2.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

2.1. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Колмакова Евгения Александровна

магистрант

Калининградского филиала,

Московский финансово-юридический университет,

РФ, г. Калининград

Финогентова О.Е.

научный руководитель,

д-р юрид. наук, профессор,

ОНК Институт управления

и территориального развития,

Балтийский федеральный университет

имени Иммануила Канта,

РФ, г. Калининград

PROBLEMS OF EFFICIENCY OF ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS IN COURTS OF GENERAL JURISDICTION AND DIRECTIONS FOR ITS IMPROVEMENT

Kolmakova Yevgeniya Aleksandrovna

Master's Student

Kaliningrad Branch,

Moscow University of Finance and Law,

Russia, Kaliningrad

Finogentova O. E.

*Academic Supervisor,
Doctor of Law, Professor,
Public Health Commission Institute
of Management and Territorial Development,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Russia, Kaliningrad*

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем, влияющих на эффективность административного судопроизводства в судах общей юрисдикции, и направлений его совершенствования. Развитие правосудия по административным делам в Российской Федерации осложняется отсутствием единого нормативного акта, регулирующего процедуры публично-правового спора, значительным числом коллизий между Кодексом административного судопроизводства (КАС) и гражданским процессуальным законодательством, и недостаточной цифровизацией судопроизводства. На основе анализа практики рассмотрения дел, обсуждения научной литературы и нормативных изменений 2024–2025 гг. обосновываются рекомендации по сокращению сроков рассмотрения дел, унификации подведомственности, повышению цифровизации и специализации судей.

Abstract. The article examines the key issues affecting the effectiveness of administrative proceedings in courts of general jurisdiction and outlines possible directions for their improvement. The development of administrative justice in the Russian Federation is complicated by the absence of a unified legal framework governing procedures for public law disputes, numerous conflicts between the Code of Administrative Procedure (CAS) and civil procedural legislation, as well as insufficient digitalization of judicial processes. Based on an analysis of case law, academic literature, and legislative changes introduced in 2024–2025, the study provides recommendations aimed at reducing the duration of proceedings, unifying jurisdictional rules, enhancing digitalization, and strengthening the specialization of judge

Ключевые слова: административное производство; публичное правосудие; суды общей юрисдикции; принципы правосудия; публично-правовые отношения.

Keywords: administrative proceedings, public justice, courts of general jurisdiction, principles of justice, public law relations.

Административное судопроизводство выступает как особая форма правосудия, закреплённая в части 2 статьи 118 Конституции РФ [5, с. 96]. Его назначение состоит в обеспечении защиты прав и законных интересов

граждан и организаций в сфере публично-правовых отношений, включая дела об административных правонарушениях. Вместе с тем данная отрасль юстиции до сих пор не имеет единого кодифицированного регулирования, что порождает целый комплекс проблем: пересечение различных процессуальных режимов, разнородность используемой терминологии, затянутость сроков рассмотрения дел. Несмотря на предпринимаемые правительством и Верховным Судом меры, направленные на цифровизацию судопроизводства и унификацию процедур, правоприменительная практика продолжает сталкиваться со значительными затруднениями.

Основной задачей проведенного исследования является выявление ключевых факторов, влияющих на эффективность административного судопроизводства в судах общей юрисдикции, и определение перспектив его дальнейшего совершенствования.

Одной из наиболее актуальных проблем современного административного судопроизводства является несоблюдение принципа разумного срока рассмотрения дел, закрепленного в статье 10 Кодекса административного судопроизводства РФ [6, с. 3]. Практика показывает, что затягивание процедур нередко связано с необходимостью участия органов прокуратуры, сбором дополнительных доказательств, а также изменением процессуальной квалификации спора – например, при переводе дела из гражданской плоскости в административную. В результате отдельные процессы могут длиться от полугода до полутора лет. Характерным примером служит дело № 2а-3890/2022, в котором гражданин оспаривал бездействие должностного лица. Несмотря на требование закона о соблюдении разумных сроков, рассмотрение затянулось: лишь апелляционная инстанция прямо указала, что неисполнение органом обязанности по обращению гражданина должно проверяться в порядке административного судопроизводства [4].

Тенденция чрезмерной продолжительности подтверждается и статистикой. Так, в 2024 году судами общей юрисдикции было рассмотрено свыше 5,8 млн дел об административных правонарушениях. Значительное число процессов переносилось из-за необходимости передачи материалов между судами различных уровней. Верховный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что одной из причин нарушения сроков является неправильное определение территориальной подсудности. В подобных ситуациях решения отменяются, а дела возвращаются на новое рассмотрение, что дополнительно увеличивает сроки и снижает эффективность судебной защиты [9].

Существенную трудность в практике административного судопроизводства представляет дублирование процедур, возникающее из-за разграничения компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции.

Так, в деле № А12-15054/2020 обжалование представления об устранении нарушений, связанного с назначением административного наказания, фактически вылилось в повторное исследование обстоятельств, уже установленных ранее при привлечении лица к ответственности. В результате арбитражные суды вынуждены заново рассматривать одни и те же факты, что ведет к росту нагрузки и увеличению сроков разрешения споров [11].

Схожие проблемы возникают при определении подсудности. Например, в деле № А40-53388/20-139-387 изначально к рассмотрению были приняты оба требования – об оспаривании постановления о привлечении банка к ответственности и представления, адресованного его руководителю. В дальнейшем выяснилось, что постановление подлежит рассмотрению в арбитражном суде, а представление – в суде общей юрисдикции. Это потребовало выделения требований в отдельное производство и передачи их по компетенции, что привело к заметному затягиванию процесса [10].

Административные споры в настоящее время разрешаются судами общей юрисдикции, где отсутствует устойчивая специализация судебного корпуса. Это обстоятельство приводит к тому, что многие дела рассматриваются по аналогии с гражданскими процессами, без должного учета специфики публично-правовых отношений. Подобная практика нередко выражается в чрезмерно формальном подходе к оценке доказательств и недооценке значимости публичного интереса.

Ситуацию осложняет и то, что в российской судебной системе отсутствуют самостоятельные административные суды. Часть исследователей высказывает мнение о необходимости их создания, предполагая, что это позволит повысить профессиональный уровень судей и качество рассмотрения таких дел [3, с. 222]. Вместе с тем существует и противоположная точка зрения: уровень компетентности можно существенно повысить за счет внутренней специализации судей в рамках уже действующих судов общей юрисдикции, без формирования отдельной ветви судебной власти [2, с. 68].

Несмотря на то, что Конституция РФ закрепляет административное судопроизводство как самостоятельный вид правосудия [5, с. 76], в российской правовой системе до сих пор отсутствует единый процессуальный акт, регулирующий все категории публично-правовых споров. КАС РФ устанавливает порядок рассмотрения административных исков и дел в сфере публичных правоотношений [6, с. 102], тогда как производство по делам об административных правонарушениях по-прежнему регулируется нормами КоАП РФ [7, с. 132]. Такое раздвоение регулирования вызывает противоречия, в частности при определении сроков

подачи жалоб и установлении подсудности, что нередко становится причиной затягивания судебных процедур.

Современная практика административного судопроизводства сталкивается с проблемой несогласованности терминологии при определении организаций, наделенных государственными полномочиями. В различных нормативных актах по-разному трактуется статус негосударственных структур, выполняющих публичные функции, что влечет правовую неопределенность и повышает риск противоречивых решений. В научной литературе подчеркивается необходимость формирования единого понятийного аппарата, который обеспечил бы корректное понимание правовых норм и единообразие их применения [8, с. 2].

Еще одной проблемой является конкуренция процессуальных форм, в результате чего возникают смежные категории споров, отнесение которых к конкретному виду судопроизводства вызывает затруднения. Для ее преодоления требуется выработка четких критериев разграничения дел и формирование устойчивой судебной практики, исключающей неодинаковое толкование норм.

Одним из приоритетных направлений развития административного судопроизводства выступает его цифровизация. В стратегических документах – «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [12] и «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [13] – подчеркивается необходимость внедрения цифровых технологий в судебную систему.

Цифровые технологии повышают открытость и прозрачность судопроизводства: аудиопотоколирование делает процесс более объективным, электронные уведомления ускоряют коммуникацию с участниками, а дистанционная подача документов сокращает сроки рассмотрения. В то же время остаются нерешенными задачи обеспечения кибербезопасности и защиты персональных данных, что требует строгого соблюдения требований законодательства и технических стандартов.

Для повышения качества рассмотрения административных дел требуется системная работа по подготовке и повышению квалификации судей. В научной литературе подчеркивается, что одна из причин недостаточной эффективности судов общей юрисдикции связана с отсутствием их специализации по делам административного характера. Вместе с тем решение этой проблемы возможно без создания отдельной ветви административных судов: целесообразнее развивать внутреннюю специализацию судей в рамках действующей системы.

Ключевой задачей остается развитие устойчивой системы профессиональной подготовки, учитывающей специфику административных споров: правильное разграничение подведомственности, применение

принципов административного процесса, работу с электронными доказательствами и использование дистанционных технологий.

Эффективность административного судопроизводства во многом определяется единообразием правоприменения. Однако в практике российских судов встречаются ситуации, когда при схожих обстоятельствах в разных регионах выносятся противоположные решения, что подрывает доверие к системе административной юстиции. Среди основных причин называются неполная разработанность норм КАС РФ и недостаток систематического анализа судебной практики.

Решения и разъяснения Верховного Суда должны выступать ориентиром для нижестоящих инстанций, формируя единый подход к толкованию и применению норм. Не менее важным является развитие профессионального взаимодействия внутри судейского сообщества: проведение совещаний, семинаров и обсуждений сложных вопросов правоприменения. Эти меры способны укрепить равенство участников процесса и повысить результативность судебной защиты публичных прав.

Комплексное развитие административного судопроизводства возможно только при согласованном взаимодействии законодательной, исполнительной и судебной власти, а также научного сообщества и гражданского общества. Реализация этих мер позволит повысить эффективность защиты публичных прав, укрепить доверие к правосудию и обеспечить справедливость в отношениях между государством и гражданином.

Список литературы:

1. Административно-процессуальное право: монография / И. В. Панова, А. Б. Панов. – 5-е изд., пересмотр. и доп. – М.: Центр публичного права; Саратов: Издательский центр «Наука», 2024 – 831 с.
2. Акинина Ю. А., Мамин А. С. Актуальные проблемы административно-процессуального права // Вестник науки. 2023. №11 (68).
3. Байгабулова, Д. Р. Административное судопроизводство в судах общей юрисдикции РФ: актуальные проблемы / Д. Р. Байгабулова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 45 (492). – С. 222-225.
4. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29 мая 2023 года по делу № 2а-3890/2022 // https://1kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=31109944&delo_id=43&case_type=0&new=0&text_number=1&srv_num=1
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями на 4 октября 2022 года) // Собрание законодательства Российской Федерации, N 9, 03.03.2014, ст.851.

6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 19.07.2018) // Собрание законодательства РФ. – 09.03.2015. – № 10. – ст. 1391.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 09.11.2024, с изм. от 12.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации, N 1, (часть I), 07.01.2002, ст.1.
8. Коршакова К.В. О некоторых проблемных аспектах разграничения гражданского и административного судопроизводств в отечественной науке // Право и практика. 2024. №2.
9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2, 3 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.11.2024) // <https://vsrf.ru/documents/practice/34051/>
10. Решение Арбитражного суда города Москвы от 2 июля 2020 г. по делу № А40-53388/2020 // <https://www.sudact.ru/arbitral/doc/DK7gLTfysr1T/>
11. Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 24 августа 2020 г. по делу № А12-15054/2020 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/RkUipm6AuPk/>
12. Указ Президента РФ № 203 от 9 мая 2017 года «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации, N 20, 15.05.2017, ст.2901.
13. Указ Президента РФ № 145 от 28 февраля 2024 года «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, N 10, 04.03.2024, ст.1373.

2.2. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАДЛЕЖАЩЕГО ОТВЕТЧИКА ПРИ ОНЛАЙН ДИФФАМАЦИИ

Касимова Олеся Алексеевна

*аспирант кафедры гражданского права
негосударственного образовательного частного
учреждения высшего образования Московский
финансово-промышленный университет «Синергия»,
РФ, г. Москва*

В условиях цифровизации общественных отношений проблема диффамации в сети Интернет приобрела особую актуальность. Диффамация как распространение порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сведений, не соответствующих действительности, представляет собой серьезное нарушение нематериальных благ личности. Специфика онлайн-среды усложняет установление надлежащего ответчика по делам данной категории, что требует тщательного анализа нормативно-правовой базы и судебной практики.

В российской правовой системе отсутствуют специализированные нормативно-правовые акты, непосредственно регулирующие вопросы диффамации в сети Интернет. Однако, правовые нормы, закрепленные в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] и Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [2], формируют правовую основу для защиты нарушенных прав в данной сфере. Согласно ст. 152 ГК РФ [1], гражданин вправе требовать опровержение порочащих его деловую репутацию сведений, а юридическое лицо – защиту деловой репутации. При этом бремя доказывания соответствия действительности распространенных сведений лежит на ответчике.

Ключевой проблемой является определение надлежащего ответчика, особенно в случаях анонимного распространения информации или при участии информационных посредников. В соответствии со ст. 41 ГПК РФ [2], суд может допустить замену ненадлежащего ответчика надлежащим по ходатайству или с согласия истца. Если истец не согласен на замену, суд

рассматривает дело по предъявленному иску [2]. Это положение имеет особое значение при онлайн-диффамации, где установление первоисточника распространения сведений часто затруднено.

Особую сложность представляет диффамация в социальных сетях, где информация распространяется мгновенно и часто анонимно. В таком случае надлежащим ответчиком может быть признан как автор публикации, так и платформа, на которой она размещена, если последняя не выполнила обязанность по удалению контента. В Определении Верховного Суда РФ от 28 января 2025 года указано, что суды должны учитывать баланс между правом на защиту репутации и свободой выражения мнения, особенно в случаях публикаций о пережитом опыте, например, сексуального насилия [5].

Важную роль в определении надлежащего ответчика играет процесс доказывания. Истец должен подтвердить факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, а также их порочащий характер. Однако в случае с информационными посредниками бремя доказывания может быть перераспределено. Например, если истец обосновал незаконность контента, а посредник не удалил его, последний может быть признан надлежащим ответчиком.

В качестве нормативной основы также следует учитывать Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который регулирует вопросы ответственности операторов сетей [4]. Согласно ст. 15.2 данного закона, владелец сайта обязан удалить информацию, признанную незаконной, по требованию уполномоченного органа. Это положение косвенно влияет на определение надлежащего ответчика, поскольку устанавливает обязанность посредников принимать меры по блокировке противоправного контента.

Процедура уведомления о необходимости удаления незаконной информации, установленная ст. 15.6 Закона № 149-ФЗ, создает важный правовой механизм для привлечения владельцев интернет-ресурсов к ответственности [4]. Получение владельцем сайта соответствующего уведомления от уполномоченного государственного органа или непосредственно от лица, чьи права нарушены, служит правовым основанием для возникновения обязанности по удалению противоправной информации. Невыполнение данной обязанности в установленные сроки позволяет признавать владельца интернет-ресурса надлежащим ответчиком по делу о диффамации, поскольку его бездействие способствует дальнейшему распространению порочащих сведений.

Особую сложность представляет вопрос о юрисдикционной компетенции при распространении диффамационных материалов на зарубежных

платформах. Даже при наличии у российских судов юрисдикции по делу, практическая реализация судебных решений в отношении иностранных информационных посредников может быть затруднена. В этой связи ст. 15.4 Закона № 149-ФЗ предусматривает механизм ограничения доступа к информационным ресурсам, распространяющим противоправную информацию, включая иностранные сайты, что создает дополнительные правовые инструменты для защиты нарушенных прав [4].

Правоприменительная практика показывает, что эффективность механизмов, предусмотренных Законом № 149-ФЗ, во многом зависит от оперативности взаимодействия между правообладателями, владельцами сайтов и провайдерами хостинга [4]. Несмотря на детальную регламентацию процедуры удаления противоправного контента, на практике часто возникают споры относительно обоснованности требований об удалении информации и определения момента, с которого владелец сайта считается узнавшим о нарушении. Обстоятельства подобного рода необходимо учитывать при формировании правовой позиции, относящейся к делам о привлечении информационных посредников к ответственности за распространение диффамационных материалов.

В настоящее время владельцы интернет-сайтов зачастую предоставляют пользователям возможность самостоятельного наполнения Интернет-ресурса контентом, включая сообщения, комментарии и посты. Это актуализирует вопрос о разграничении ответственности авторов диффамационных сведений и поставщиков таких услуг, именуемых информационными посредниками. Однако термин «информационный посредник» в контексте дел о диффамации прямо не упоминается в действующем законодательстве, за исключением случаев нарушения интеллектуальных прав, регулируемых статьей 1253.1 ГК РФ [1].

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, содержащимися в Постановлении от 15 июня 2010 г. № 16 [3], лица, не зарегистрированные в качестве СМИ и допустившие нарушения законодательства при распространении массовой информации в сети Интернет, несут ответственность без учета особенностей, предусмотренных законодательством о СМИ. Однако данное разъяснение не внесло необходимой ясности в вопрос о критериях привлечения к ответственности владельцев интернет-платформ.

В этой связи определенный интерес представляют положения международно-правовых актов, в частности Рекомендаций Комитета Министров Совета Европы государствам-членам от 21 сентября 2011 г. «О новом понятии средств массовой информации» [6], которые предлагают учитывать уровень редакционного контроля над распространяемым пользователями контентом. Критерием дифференциации

ответственности рекомендуется считать степень вмешательства владельца сайта в процесс публикации и модерации контента. Аналогичный подход отражен в Декларации Комитета Министров Совета Европы «О свободе обмена информацией в Интернете» от 28 мая 2003 г. [6], которая предполагает возможность возложения ответственности на провайдеров, если они не предпринимают действий по оперативному удалению или блокированию доступа к информации, носящей незаконный характер, после получения соответствующего уведомления.

Несмотря на прекращение членства Российской Федерации в Совете Европы, практика Европейского Суда по правам человека относительно вопросов ответственности информационных посредников сохраняет научный и практический интерес. Яркой иллюстрацией является постановление Большой Палаты ЕСПЧ по делу «Компания Delfi AS против Эстонии», где Суд признал правомерным привлечение к ответственности новостного портала за диффамационные комментарии пользователей, исходя из того, что компания осуществляла редакционный контроль над платформой и могла предвидеть потенциально незаконный характер публикаций [6].

В российском правоприменении отсутствует единообразный подход к определению ответственности информационных посредников за диффамационный контент, размещенный пользователями. Сложившаяся судебная практика носит фрагментарный и противоречивый характер. В отсутствие четких законодательных критериев суды вынуждены руководствоваться общими принципами вины и правилами о совместном причинении вреда, что не всегда обеспечивает эффективную защиту нарушенных прав потерпевших от онлайн-диффамации.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 24.06.2025).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 24.06.2025).
3. О практике применения судами Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации": постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 (ред. от 09.02.2012) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 8.

4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 24.06.2025).
5. Об определении надлежащего ответчика по делу о защите чести, достоинства и деловой репутации при распространении сведений в сети «Интернет»: определение Верховного Суда РФ от 28.01.2025 № 5-КГ24-150 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/(дата обращения: 26.08.2025).
6. Рекомендация CM/Rec(2011)7 Комитета Министров государствам-членам о новом понятии СМИ (принята Комитетом Министров 21.09.2011 на 1121-ом заседании постоянных представителей министров) // Официальный сайт Совета Европы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.refworld.org/ru/publisher,COEMINISTERS,,,5511765c4,0.html> (дата обращения: 26.08.2025).

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ КАЗАХСТАНА: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Корнеев Павел Сергеевич

аналитик

Международного центра компетенций

«АйПи» ФГБОУ ВО РГАИС,

РФ, г. Москва

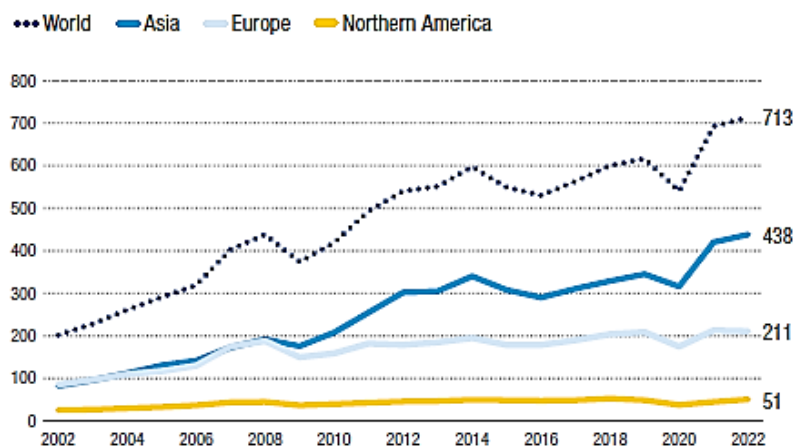
Аннотация. В данном докладе автор выявляет тенденции и перспективы развития креативных индустрий Казахстана в период 2022-2025 года. На основе данных стран азиатского региона об экспорте креативных продуктов и развитии креативных индустрий, в частности Казахстана, автор дополнительно подтверждает прогноз, озвученный в предыдущих докладах и публикациях о сохранении перспективности рынка Республики Казахстан как экономически привлекательного творческого пространства в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: Казахстан, креативные индустрии, цифровизация, музыка, Азия, творческие кластеры.

Креативные отрасли вносят существенный вклад в международную торговлю товарами (Рисунок 1) [8 с. 23]. Мировой экспорт

креативных товаров увеличился с 208 млрд долларов США в 2002 году до 713 млрд долларов США в 2022 году. Азия является крупнейшим экспортером креативных товаров (с экспортом креативных товаров на сумму 438 млрд долларов США в 2022 году), за ней следуют Европа (211 млрд долларов США) и Северная Америка (51 млрд долларов США). Китай продолжает усиленный экспорт креативных товаров Азии, поскольку на одну эту страну приходилось 35% мирового экспорта креативных товаров в 2022 году. Латинская Америка и Карибский бассейн (с экспортом креативных товаров на сумму 8 млрд долларов США в 2022 году), Африка (2,4 млрд долларов США) и Океания (1,6 млрд долларов США) экспортируют значительно меньше по сравнению с другими регионами [8, с.31].

Figure 23
Exports of all creative goods by region
(US\$ billion)

Source: UNCTAD.

**Рисунок 1. Экспорт всех креативных товаров по регионам
(млрд долл. США) [8, с. 32]**

Креативная экономика может предоставить осуществимый вариант для устойчивого развития и структурной трансформации для наименее развитых стран (НРС). Существует лишь несколько азиатских и африканских

НРС, регистрирующих значительную торговлю креативными товарами, хотя они увеличили свой экспорт креативных товаров за последние десятилетия. В 2022 году экспорт креативных товаров НРС достиг 2,9 млрд долларов США. НРС в Азии, особенно Камбоджа и Мьянма, выделяются в торговле креативными товарами, на которые приходится почти 90% общего экспорта креативных товаров НРС [8, с.31]. Они в основном экспортируют модные аксессуары в развитые экономики.

Казахстан занимает уверенные позиции в глобальной экономике по показателю валового внутреннего продукта (ВВП) по паритету покупательной способности (ППС)[6]. По данным Международного валютного фонда (МВФ) на 2025 год, страна находится примерно на 47–48 месте в мире, с совокупным ВВП по ППС на уровне около 500 млрд долларов США[6]. Это позволяет Казахстану оставаться экономическим лидером в регионе Центральной Азии.

При этом, Количество зарегистрированных субъектов креативной индустрии в Казахстане составляет более 45,5 тыс., доля валовой добавленной стоимости в ВВП страны составляет 1%. Более 50% всех субъектов находятся в Алматы и Астане, 70% субъектов составляют ИП»[9].

Созданный в Казахстане 2025 году «Фонд развития креативной индустрии»[7] (далее – Фонд) призван решить ряд задач, связанных с выявлением «талантов» как будущих активных единиц и акторов креативной индустрии, коммерческого развития творческих начинаний, развития инфраструктуры креативных индустрий, а также выхода созданной продукции на внешние рынки.

Ожидается, что бюджет Фонда будет формироваться на основе 3% отчислений «от деятельности национального лотерейного оператора»[11], а в качестве главного направления «деятельности будет развитие венчурного инвестирования в сфере креативных индустрий»[11] с формированием соответствующего структурного подразделения.

Созданные креативные «хабы» [12] являются каркасом креативной инфраструктуры Казахстана на уровне регион-страна в дальнейшем развитии в сторону региональной экосистемы в части привлечения и работе с талантами [11].

Немаловажное значение уделяется оцифровке историко-культурного наследия Казахстана посредством информационно-просветительской платформы «Qazaq Culture»[1].

В рамках развития образовательных программ в Международном казахско-турецком университете имени Ходжи Ахмеда Ясави организована программа обучения для 421 студента с перспективой масштабирования для подготовки 200 креативных специалистов в Западно-Казахстанской области. Дополнительно, актуальность разрабатываемых мер подкрепляется

их востребованностью в конкретном регионе. Что придает системе подготовки должную организационную гибкость.

Также в текущем году, на мероприятиях международного форума «New Vision Forum 2025»[10] в Алматы было подписано соглашение о создании городского Фонда прямых инвестиций для развития креативной экономики.

В соглашении о создании фонда приняли участие: Almaty Creative – «центр поддержки креативных индустрий, созданный Акиматом города Алматы для развития творческого предпринимательства» [2], Freedom Holding Corp. – «международная финансовая группа. Ведёт брокерскую, банковскую, дилерскую и депозитарную деятельность, предоставляет услуги по управлению ценными бумагами, в основном на американском фондовом рынке» [3], а также VPE Capital Fund Management Limited (доверительное управление портфелями активов фондов).

Ожидается, что инвестиции будут сосредоточены «на направлениях с наибольшим экспортным потенциалом – производстве кино, в том числе видео и анимации, музыки, развитии IT и gamedev, архитектуры, дизайна и цифровых медиа»[10].

Можно с уверенностью отметить, что позитивность указанных шагов с 2022-2023 года[5, с.301] сохранится с перспективой к их масштабированию. Также, руководство Республики Казахстан отмечает перспективность изменений и работает над планированием Концепцию развития креативных отраслей на 2026-2030 годы. К 2029 году на уровне Министерства культуры и информации республики Казахстан планируется достижение следующих показателей в области креативных индустрий:[4]

- Увеличение доли занятых в сфере креативных индустрий на 5 % ежегодно;
- Увеличение субъектов предпринимательства в сфере креативных индустрий на 5% ежегодно;
- Увеличение доли экспорта креативных продуктов и услуг на 5 % ежегодно;
- Увеличение вклада креативных индустрий в ВВП страны до 2 % к 2029 году.

Список литературы:

1. «Qazaq-culture» platform. Электронная версия URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/qazaq-culture-platforma-prodvijeniya-natsbrenda-poyavilas-530654/ (дата обращения: 22.10.2025).
2. AlmatyCreative Электронная версия URL: <https://almatycreative.com/o-nas/> (дата обращения: 22.10.2025).

3. Freedom Holding Электронная версия URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Freedom_Holding (дата обращения: 22.10.2025).
4. Количество субъектов креативных индустрий Электронная версия URL: <https://primeminister.kz/ru/news/v-kazakhstane-uvlichilos-kolichestvo-subektov-kreativnykh-industriy-i-chislennost-zanyatykh-v-etoy-sfere-na-15-29819> (дата обращения: 22.10.2025).
5. Корнеев, П. С. Результаты реализации Концепции развития креативных индустрий Казахстана на 2021-2025 годы за 2023 год / П. С. Корнеев // Молодой ученый. – 2024. – № 45(544). – С. 301-304. – EDN RVSPER.
6. На каком месте Казахстан по паритету покупательной способности? Электронная версия URL: <https://prodengi.kz/post/na-kakom-meste-kazakhstan-po-paritetu-pokupatelnoi-sposobnosti> (дата обращения: 22.10.2025).
7. Официальный Telegram-канал Правительства РК Электронная версия URL: <https://t.me/KZgovernment/15886> (дата обращения: 22.10.2025).
8. Сайт UN Trade and development. Creative Economy Outlook 2024 Электронная версия URL: https://ipquorum.ru/upload/UNCTAD_Creative%20Economy%20Outlook_2024%20%28145%20pgs%29-hpqxDfY.pdf (дата обращения: 22.10.2025).
9. Увеличение количества субъектов креативных индустрий Электронная версия URL: <https://primeminister.kz/ru/news/v-kazakhstane-uvlichilos-kolichestvo-subektov-kreativnykh-industriy-i-chislennost-zanyatykh-v-etoy-sfere-na-15-29819> (дата обращения: 22.10.2025).
10. Фонд прямых инвестиций. Электронная версия URL: <https://kapital.kz/finance/141428/v-almaty-zapustili-creative-capital-fund.html?ysclid=mh0hpbnm1h466818088> (дата обращения: 22.10.2025).
11. Фонд развития креативной индустрии Электронная версия URL: <https://ru.sputnik.kz/20250318/fond-razvitiya-kreativnoy-industrii-sozdadut-v-kazakhstane-51698084.html?ysclid=mh0h9oyg5912568485> (дата обращения: 22.10.2025).
12. Фонд, хабы и платформа «e-Creative»: как в Казахстане развивают креативную экономику. Электронная версия URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mam/press/news/details/959029?lang=ru> (дата обращения: 22.10.2025).

КОСМЕТОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛУГИ КАК ВИД МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Марьенкова Наталья Сергеевна

студент,

*Частное образовательное учреждение высшего
образования Сибирский юридический университет,
РФ, г. Ханты-Мансийск*

COSMETOLOGY SERVICES AS A TYPE OF MEDICAL SERVICES: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND PROTECTION OF CONSUMER RIGHTS

Maryenkova Natalya Sergeevna

Student,

*Private Educational Institution of Higher Education
Siberian Law University,
Russia, Khanty-Mansiysk*

Аннотация. В статье раскрываются особенности медицинских услуг на примере косметологических услуг. Автором акцентируется внимание на недостатках действующего российского законодательства в сфере нормативно-правовой регламентации данного вида услуг, на проблемах защиты прав потребителей, которым были предоставлены косметологические услуги ненадлежащего качества.

Abstract. This article explores the specifics of medical services using cosmetology as an example. The author highlights the shortcomings of current Russian legislation governing this type of service, as well as the challenges of protecting the rights of consumers who have received substandard cosmetology services.

Ключевые слова: защита, качество, косметологические услуги, медицинские услуги, потребитель.

Keywords: protection, quality, cosmetology services, medical services, consumer.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что на современном этапе социально-экономического развития особую значимость приобретают вопросы, связанные с правовым регулированием отношений,

складывающихся как в сфере улучшения внешнего облика, так и в сфере оперативного его изменения, и все чаще к таким методам обращаются не только знаменитости, но и обычные люди. Речь идет об изменении внешнего облика с целью удовлетворения эстетических потребностей.

Несмотря на большую востребованность данного вида медицинских услуг среди населения, тем не менее, остаются неразрешенными некоторые проблемы в сфере их нормативно-правовой регламентации, в сфере защиты прав потребителей, которым были предоставлены косметологические услуги ненадлежащего качества. Так, в частности, нами было установлено, что на законодательном уровне не раскрывается официальная дефиниция понятия «косметологическая услуга», что создает благоприятную почву для дискуссий и споров на доктринальном уровне. По результатам проведенного анализа различных авторских подходов [5, с. 66; 7, с. 272] к раскрытию его сущности и содержания представим следующее определение понятия «косметологическая услуга»: профессиональные действия медицинского персонала, осуществляемые на основании специального разрешения (лицензии), по лечению и устранению различных дефектов кожи, как врожденных, так и приобретенных, направленные на удовлетворение эстетических потребностей граждан.

В рамках анализа правового регулирования косметологических услуг, прежде всего, следует отметить, что одной из основных проблем действующего законодательства РФ в исследуемой сфере, является его разрозненный характер. Правовые нормы, раскрывающие особенности оказания косметологических услуг, представлены в нормативно-правовых актах различной юридической силы.

Договор оказания косметологических услуг является самостоятельным видом договора возмездного оказания услуг, регулируемого главой 39 части 2 ГК РФ [2].

Косметологические услуги являются одним из видов медицинских услуг. В этой связи, данные услуги также находятся в сфере нормативно-правового регулирования ФЗ от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3].

Защита прав потребителей в сфере оказания косметологических услуг осуществляется различными способами, перечень которых представлен в ст. 12 ГК РФ [1, с. 12]. Наряду с нормами гражданского законодательства РФ защита вышеуказанных прав также реализуется посредством положений Закона РФ от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [4].

Система нормативно-правовых актов в сфере регулирования косметологических услуг включает в себя как законы, так и подзаконные

нормативно-правовые акты, а также акты ведомственного нормотворчества.

Любой вид медицинской деятельности строго регламентирован. Сказанное, в полной мере, относится и к косметологическим услугам. Врач-косметолог, как и любой другой врач, обязан проводить медицинские (косметологические) процедуры, вести документооборот и др. Таким образом, последовательность его действий детально регламентирована.

Перед проведением косметологической услуги исполнитель обязан провести предварительный осмотр заказчика (пациента) с целью установления возможных противопоказаний для их проведения, а также для оценки риска возможных неблагоприятных последствий после проведения данной процедуры. Пациент может самостоятельно оценить возможные последствия после проведения косметологической услуги, в том числе, неблагоприятные. Если исполнитель не совершает вышеуказанные действия, то он может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности [6, с. 124].

На наш взгляд, на уровне норм действующего гражданского законодательства РФ необходимо предусмотреть обязанность организации, оказывающей косметологические услуги, при заключении рассматриваемого договора прописывать в его тексте обязанность пациента пройти обязательное медицинское обследование перед проведением косметологической услуги. В ходе его проведения могут быть обнаружены медицинские противопоказания, наличие которых не позволяет получать такие услуги.

Также в рамках договора возмездного оказания косметологических услуг необходимо указать конкретный перечень услуг, которые будут оказаны пациенту и ожидаемые результаты в ходе проведения соответствующих косметологических процедур.

Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что одним из основных недостатков действующего российского законодательства в сфере правового регулирования оказания косметологических услуг является отсутствие возрастных ограничений к пациентам данного вида медицинских услуг. Сказанное свидетельствует о том, что косметологические услуги могут быть оказаны, в том числе, несовершеннолетним. Так, например, если ребенок родился с «заячьей губой» для исправления данного эстетического недостатка необходима ни одна пластическая операция. Зачастую родители желают исправить его как можно раньше, пока ребенок маленький. Однако, не всеми учеными и практикующими специалистами разделяется такой подход. Как свидетельствует положительный опыт зарубежных стран в исследуемой сфере многие государства на законодательном уровне установили запрет на проведение косметологических процедур лицам, не

достигшим совершеннолетнего возраста [8, с. 54]. По нашему мнению, российскому законодателю можно принять во внимание данный опыт зарубежных государства и предусмотреть на законодательном уровне запрет на проведение косметологических процедур лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста.

Отечественное законодательство в сфере нормативно-правовой регламентации предоставления косметологических услуг на сегодняшний день находится в стадии развития и становления. Сказанное обусловлено тем, что рассматриваемая сфера медицинской деятельности в нашей стране является относительно новой, вследствие чего законодательство, направленное на ее детальную нормативно-правовую регламентацию, находится в процессе формирования. На практике могут возникать такие ситуации, когда гражданин делает несколько пластических операций в разных косметологических организациях (клиниках). При этом, в каждом случае врачу-косметологу необходимо установить – какие ранее косметологические вмешательства были проведены в отношении пациента, имеются ли у него медицинские противопоказания и др. На наш взгляд, упростить работу врача-косметолога в исследуемой сфере возможно посредством создания единой базы всех косметологических организаций, в которую будет вноситься информация о проведенных косметологических процедурах, сроках их проведения, медицинских противопоказаниях, индивидуальной непереносимости на отдельные медицинские препараты и др. Вышеуказанная информация в отношении каждого пациента должна быть систематизирована и обобщена в виде «электронных паспортов красоты».

Защита прав потребителей в сфере некачественного оказания косметологических услуг осуществляется способами, предусмотренными нормами действующего законодательства РФ. Потребитель самостоятельно выбирает конкретный способ защиты своего нарушенного права. По результатам проведенного анализа материалов правоприменительной практики нами было установлено, что на практике наиболее предпочтительными являются следующие способы защиты рассматриваемых прав: возмещение убытков (возмещение денежных средств, уплаченных по договору; возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью; штрафы, неустойки, пени и др.) и компенсация морального вреда.

В рамках проведенного исследования нами было установлено, что институт компенсации морального вреда, несмотря на свою востребованность, тем не менее, характеризуется отдельными недостатками законодательной регламентации. Так, в частности, нами было установлено, что в нормах действующего законодательства остались неурегулированными вопросы о размере соответствующей компенсации, а также о порядке

установления степени и глубины страданий. На наш взгляд, минимальные и максимальные размеры компенсации морального вреда должны найти свое законодательное отражение, это позволит применять на практике анализируемый институт более эффективно. Также нами было установлено, что в последние годы для решения вопроса о размере компенсации морального вреда все чаще стали назначаться судебно-психологические экспертизы, которые позволяют выявлять глубину и силу причиненных потребителю (пациенту) нравственных и душевных страданий. На наш взгляд, данная практика заслуживает повышенного внимания со стороны правоприменителя и более частой реализации по исследуемой категории дел (споров).

Таким образом, косметологические услуги являются одним из видов медицинских услуг, весьма востребованных на практике. В этой связи, законодательство в сфере их предоставления должно быть максимально полным и проработанным, исключаящим проблемы и пробелы. Предложенные в рамках проведенного исследования рекомендации, позволят разрешить выявленные проблемы и усовершенствовать российское законодательство в рассматриваемой сфере.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 1 от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 2 от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
4. Закон Российской Федерации от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Российская газета. – 1992. – 07 апреля.
5. Аминов И.И. Проблемы правового регулирования эстетической медицины в России // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. – 2024. – № 2 (42). – С. 66 – 76.
6. Галляутдинова Г.И. Проблемы правового регулирования оказания медицинских услуг в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 1-1 (76). – С. 124 – 129.
7. Иванова Т.В. Правовые аспекты предоставления медицинских услуг // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6 (222). – С. 272 – 274.
8. Масалимова А.А. Гражданско-правовая защита прав потребителей при оказании медицинских услуг // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – Вып. 1-3 (76). – С. 54 – 58.

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ НА ЕДИНСТВЕННОЕ ЖИЛЬЕ ГРАЖДАНИНА- ДОЛЖНИКА В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА

Миронов Андрей Александрович

аспирант,

Рязанский Государственный

Университет им. С.А. Есенина,

РФ, г. Рязань

FEATURES OF FORECLOSURE ON THE ONLY HOUSING OF A DEBTOR CITIZEN IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS

Mironov Andrey Aleksandrovich

Postgraduate Student,

Ryazan State

University named after S.A. Esenin,

Russia, Ryazan

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей обращения взыскания на единственное жилье гражданина-должника в процедурах банкротства. Рассматриваются ключевые законодательные положения, регулирующие порядок реализации такого имущества, выявляются основные юридические коллизии и практические трудности, возникающие в судебной практике. Автор подробно анализирует постановления Верховного Суда РФ и Конституционного суда РФ, выделяет подходы, применяемые судами при разрешении споров относительно обращения взыскания на единственное жилье, предлагаются меры, направленные на улучшение действующего порядка исполнения обязательств путем исключения злоупотреблений и повышения прозрачности процедур.

Abstract. The article is devoted to the study of the features of foreclosure on the only housing of a debtor citizen in bankruptcy proceedings. The key legislative provisions regulating the procedure for the sale of such property are considered, and the main legal conflicts and practical difficulties arising in judicial practice are identified. The author analyzes in detail the decisions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation, highlights the approaches used by the courts in resolving disputes regarding foreclosure on the only housing, and proposes measures aimed at improving the current procedure for the

execution of obligations by eliminating abuse and increasing the transparency of the procedures.

Ключевые слова: банкротство, кредитор, должник, единственное жилье, физическое лицо, освобождение от долгов, реализация имущества.

Keywords: bankruptcy, creditor, debtor, sole residence, individual, debt relief, property sale.

В соответствии с пунктом 1 статьи 213.25 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [4] все имущество гражданина, имеющееся на дату принятия решения арбитражного суда о признании гражданина банкротом и выявленное или приобретенное после даты принятия указанного решения, составляет конкурсную массу. Между тем, уже на этапе формирования конкурсной массы законодатель вынужден учитывать особенности правового статуса должника как физического лица, цель которого по результатам процедуры банкротства – легально вернуться в гражданский оборот.

Однако законодательство РФ предусматривает ряд исключений, среди которых – изъятие из конкурсной массы имущества, на которое не может быть обращено взыскание согласно положениям ГПК РФ [3]. Институт исключения имущества из конкурсной массы на данный момент активно развивается, поскольку благодаря ему решается множество проблем, связанных с защитой прав и законных интересов участников процесса, а также достигается оптимизация процедуры банкротства [2, с. 250].

В соответствии с абзацами 1 и 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ [3] из конкурсной массы исключается единственное пригодное для постоянного проживания жилое помещение или доля в нем, принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности и не обремененное ипотекой. Как указал Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» [7], исполнительный иммунитет подлежит применению и в делах о банкротстве граждан. Однако при анализе судебной практики выясняется, что зачастую кредиторы оспаривают установленный ГПК РФ имущественный (исполнительный) иммунитет, желая включить в конкурсную массу единственное жилье должника для его дальнейшей реализации.

В целях обеспечения конституционного права на жилище, Верховный суд РФ в определении Судебной коллегии по экономическим

спорам от 26.07.2021 № 303-ЭС20-18761 указал, что право собственности должника на имеющееся у него жилое помещение при реализации конструкции замещающего жилья должно прекращаться не ранее возникновения права собственности на замещающее жилье, а также должна допускаться возможность прекращения торгов по продаже жилья при падении цены ниже той, при которой не произойдет эффективное пополнение конкурсной массы (с учетом затрат на покупку замещающего жилья). Верховный суд РФ также указал на возможность приобретения замещающего жилья отдельным кредитором за свой счет (с последующей компенсацией затрат за счет конкурсной массы) либо финансовым управляющим за счет выручки от продажи существующего имущества должника [8].

Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.07.2021 № 303-ЭС20-18761 установлены требования к замещающему жилью:

- ухудшение жилищных условий не может вынуждать должника помимо его воли к изменению поселения, то есть предоставление замещающего жилья должно происходить в пределах того же населенного пункта;
- отказ в применении исполнительского иммунитета не должен оставить должника и членов его семьи без жилища, пригодного для проживания, площадью по крайней мере не меньшей, чем по нормам предоставления жилья на условиях социального найма;
- отказ от исполнительского иммунитета должен иметь реальный экономический смысл как способ удовлетворения требований кредиторов, а не быть карательной санкцией (наказанием) за неисполненные долги или средством устрашения должника, в связи с чем необходимым и предпочтительным является проведение судебной экспертизы рыночной стоимости жилья, имеющего, по мнению кредиторов, признаки излишнего (это влечет за собой необходимость оценки и стоимости замещающего жилья, а также издержек конкурсной массы по продаже существующего помещения и покупке необходимого замещающего).

Как указывает Конституционный суд РФ [5], право собственности на жилое помещение, являющееся для гражданина и членов его семьи единственным пригодным для постоянного проживания, не может рассматриваться как исключительно экономическое право, поскольку выполняет социально значимую функцию и обеспечивает гражданину реализацию ряда основных прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации.

Верховный суд попытался внести ясность в порядок применения общих норм в процедуре банкротства посредством принятия

Постановления Пленума Верховного Суда России от 25 декабря 2018 г. № 48, указав, что «исполнительский иммунитет в отношении единственного пригодного для постоянного проживания жилого помещения, не обремененного ипотекой, действует и в ситуации банкротства должника (пункт 3 статьи 213.25 Закона о банкротстве, абзац второй части 1 статьи 446 ГПК РФ)» [7]. Однако, данное положение, напротив, внесло противоречие в практику, поскольку некоторые суды интерпретируют п. 17 Постановления именно как законодательно установленную гарантию на возврат должнику части денежных средств [7].

Единственное жилье есть ни что иное как постоянное место проживания гражданина и членов его семьи. Исходя из данного определения, можно сделать вывод о том, что закон защищает конституционные права граждан на постоянное место проживания. Однако из этого возникает проблема «злоупотребления» данным правом. На практике встречаются случаи, когда в ходе процедуры банкротства, а именно процедуры реализации имущества у должника отсутствует возможность рассчитаться с кредиторами вследствие отсутствия дохода или иного имущества, кроме единственного жилья, которое в свою очередь представляет собой многоэтажный загородный дом или многокомнатную квартиру, продав которые, должник мог бы погасить свои обязательства перед кредиторами. Можно привести другой пример, когда лицо берет деньги в банке на развитие бизнеса и вместо этого вкладывается в покупку единственного жилья и подает заявление о признании физического лица банкротом в арбитражный суд, или когда лицо перед процедурой банкротства пытается различными способами «спрятать» свое имущество, путем совершения сделки по дарению своего жилья или его перепродаже.

Дударова Д. А. выделяет определенный перечень условий, при которых жилье может быть реализовано, даже если оно не обеспечено залогом, а именно:

1) Концепция так называемого «излишнего» жилья, в первую очередь это квартиры, которые обладают большой площадью, что в принципе является неким излишеством для проживающего в ней одного человека. Стоит заметить, что законом нигде не установлено такое определение как «излишнее жилье», это сугубо оценочный критерий, отнести жилье гражданина к так называемому «роскошному» или «излишнему» может только суд, руководствуясь своим внутренним убеждением [1, С.156]. По словам Дуровой Д. А. данная мера позволила бы лишить злоупотребляющего своими правами должника тех самых «излишков», ведь каждым регионе нормативными актами уставлена норма жилой площади достаточной для одного человека. Судам следует учитывать данное условие для

определения минимальной нормы в каждом конкретном случае. Необходимо учитывать и состав семьи проживающих с должником и рассчитывать минимальную норму на каждого члена семьи. Если жилая площадь квартиры больше установленной нормы, то данное имущество подлежит реализации [1, С.156].

2) Возможность предоставления жилья взамен реализованного имущества. В данной ситуации можно привести пример, когда в деле о банкротстве гражданина в процедуру реализации имущества включается залоговый кредитор и предметом залога является квартира должника. В этом случае квартира будет реализована, а денежные средства от продажи будут распределены залоговому кредитору. Согласно устоявшейся судебной практике, денежные средства, оставшиеся после реализации, будут возвращены должнику [1, с. 155].

На основе вышесказанного, можно сделать выводы, что проблем правового регулирования процедуры несостоятельности (банкротства) много, что предопределяет необходимость дальнейшего выявления и анализа существующих проблем и поиска их решений. Процедура несостоятельности (банкротства) – это совокупность процессуальных и не процессуальных действий, находящихся отражение в определенных стадиях (этапах). Подводя итог, нужно отметить, что с развитием рыночных отношений, введения института банкротства физических лиц требуется модернизация правового регулирования имущественных отношений. Конституцией РФ предусмотрено право каждого на жилище и достойную жизнь, но при реализации данного права должны учитываться конституционное положение равенства всех перед законом и принцип справедливости и соразмерности. При реализации процедуры банкротства должны быть учтены как интересы должника, так и кредитора, судам следует установить баланс их интересов. По данному вопросу Конституционный Суд не раз высказывал свою позицию, однако, на протяжении уже более 20 лет изменения в законодательство не были внесены. Ввиду отсутствия законодательной регламентации процесса реализации единственного жилья должника, возникают множество споров о допустимых пределах замены жилья. Детализация данного вопроса в законе позволит избежать споров и оптимизировать процедуру банкротства граждан. Отсутствие в законе критериев разумности обеспечения жилья долгое время позволяло недобросовестным должникам сохранять за собой огромные по площади квартиры, прикрываясь исполнительским иммунитетом. Однако данная коллизия была разрешена Конституционным и Верховным судами путем выработки механизма приобретения замещающего жилья взамен реализации роскошного. Так, указанные изменения были привнесены Постановлением

Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П, в котором суд признал необходимым законодательно урегулировать порядок обращения взыскания на жилое помещение, явно превышающее по своим характеристикам соответствующий уровень обеспеченности жильем [6].

В целях обеспечения конституционного права на жилище, Верховный суд РФ в определении Судебной коллегии по экономическим спорам от 26.07.2021 № 303-ЭС20-18761 указал, что право собственности должника на имеющееся у него жилое помещение при реализации конструкции замещающего жилья должно прекращаться не ранее возникновения права собственности на замещающее жилье, а также должна допускаться возможность прекращения торгов по продаже жилья при падении цены ниже той, при которой не произойдет эффективное пополнение конкурсной массы (с учетом затрат на покупку замещающего жилья) [8].

Таким образом, банкротство – это важный экономический инструмент, помогающий сбалансировать интересы кредиторов и должников. Этот процесс не только позволяет кредиторам справедливо получить удовлетворение своих требований, но и предоставляет должникам шанс на восстановление финансового положения или, при необходимости, упорядоченное завершение деятельности с наименьшими потерями. Законодательство в области банкротства граждан требует модернизации, так как действующие нормы порождают неопределенность и позволяют злоупотребления со стороны недобросовестных должников. В частности, уже давно назрела необходимость детальной проработки критериев реализации единственного жилья, включая понятие «роскошного» жилья и механизм предоставления замещающего жилья, а также законодательного выделения случаев, когда замещающее жилье не предоставляется (например, при недобросовестном поведении должника). Практика судов показывает наличие разночтений относительно порядка реализации единственного жилья, что подчеркивает потребность в четком законодательном регулировании. Конституционный и Верховный суды пытаются решить проблему через выработанные правовые подходы, однако отсутствие закрепленных норм создает препятствия для эффективного функционирования института банкротства.

Список литературы:

1. Дударова Д.А. Единственное жилье при банкротстве должника: предоставление иммунитета для роскошного жилья / Д. А. Дударова, Е. С. Якимова // Образование и право. – 2021. – № 3. – С. 154–157.

2. Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: монография / А.З. Бобылева, Д.Е. Горев, Ю.А. Зайцева и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: Юстицинформ, 2022. – 312 с.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – №46, – ст. 4532
4. О несостоятельности (банкротстве)»: Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43, – ст. 4190.
5. По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П – Доступ из СПС «Консультант Плюс» – Текст: электронный
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 N 15-П "По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова" – Доступ из СПС «Консультант Плюс» – Текст: электронный
7. О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан: Постановление Пленума Верховного Суда России от 25 декабря 2018 г. № 48 // Российская газета. – 09.01.2019. – № 1.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.07.2021 № 303-ЭС20-18761. – URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/LaxaMiJY84Zn/> (дата обращения: 15.08.2025).

СПЕЦИФИКА КУПЛИ-ПРОДАЖИ НЕЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Шишлова Александра Ивановна

*магистрант,
ФГБОУ ВО Саратовский государственный университет,
РФ, г. Саратов
Тогузаева Екатерина Николаевна
научный руководитель,
канд. юрид. наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса,
ФГБОУ ВО Саратовский государственный университет,
РФ, г. Саратов*

SPECIFIC FEATURES OF THE SALE AND PURCHASE OF NON-RESIDENTIAL PREMISES IN SHARED OWNERSHIP

Shishlova Alexandra Ivanovna

*Master's Student,
Saratov State University,
Russia, Saratov
Toguzaeva Ekaterina Nikolaevna
Academic Supervisor,
PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law and Procedure,
Saratov State University,
Russia, Saratov*

Аннотация. В статье рассматриваются правовые особенности купли-продажи нежилых помещений, находящихся в долевой собственности. Анализируются нормы гражданского законодательства, регулирующие порядок реализации преимущественного права покупки, вопросы уведомления сособственников, государственной регистрации перехода права собственности, а также проблемы фактического пользования объектом после отчуждения доли. Особое внимание уделено правовым и экономическим аспектам сделок, связанным с особенностями коммерческого использования нежилых помещений. Сформулированы выводы о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования в данной сфере.

Abstract. The article discusses the legal features of the purchase and sale of non-residential premises that are jointly owned. It analyzes the norms of civil legislation that regulate the implementation of the pre-emptive right to purchase, the issues of notifying co-owners, the state registration of the transfer of ownership, and the problems of actual use of the object after the sale of a share. Special attention is paid to the legal and economic aspects of transactions related to the commercial use of non-residential premises. The article concludes that there is a need for further improvement of legal regulation in this area.

Ключевые слова: долевая собственность, нежилое помещение, купля-продажа, преимущественное право покупки, государственная регистрация, гражданский оборот, недвижимость.

Keywords: shared ownership, non-residential premises, purchase and sale, pre-emptive right of purchase, state registration, civil circulation, real estate.

Современные тенденции развития гражданского оборота недвижимости в Российской Федерации характеризуются значительным увеличением числа сделок, предметом которых выступают нежилые помещения, находящиеся в долевой собственности. Это обусловлено как активным развитием предпринимательской деятельности, так и процессами приватизации и перераспределения имущественных комплексов, ранее принадлежавших государственным и муниципальным структурам. Однако правовая природа долевой собственности и особенности оборота нежилых помещений порождают ряд теоретических и практических проблем, требующих научного осмысления и совершенствования правового регулирования.

Согласно ст. 244 ГК РФ имущество, находящееся в собственности двух или нескольких лиц, принадлежит им на праве общей собственности. Имущество может находиться в общей собственности с определением доли каждого из собственников в праве собственности (долевая собственность) или без определения таких долей (совместная собственность) [1].

Для нежилых помещений характерна именно долевая форма, при которой каждому из собственников принадлежит определённая идеальная доля в праве собственности на объект. Такая доля не выражается в виде конкретной изолированной части помещения, а представляет собой юридическую абстракцию, отражающую размер участия лица в общей собственности [2, с. 169].

Специфика сделок купли-продажи нежилых помещений, находящихся в долевой собственности, определяется, прежде всего,

необходимостью соблюдения приоритета прав и законных интересов остальных участников долевой собственности. Согласно статье 250 ГК РФ, при продаже доли в праве общей собственности постороннему лицу остальные участники долевой собственности имеют преимущественное право покупки продаваемой доли по цене, за которую она продается, и на прочих равных условиях [1]. Данное положение является гарантией защиты интересов участников общей собственности и направлено на предотвращение возникновения конфликтных ситуаций, связанных с принятием в число сосособственников лиц, не связанных общими имущественными интересами с первоначальными владельцами.

Преимущественное право покупки реализуется посредством уведомления всех сосособственников в письменной форме о намерении продать долю, с указанием цены и иных условий сделки. Лишь в случае, если в течение одного месяца с момента получения уведомления ни один из участников общей собственности не выразит желание приобрести долю, продавец вправе реализовать её третьему лицу. В судебной практике неоднократно отмечалось, что несоблюдение данной процедуры является существенным нарушением требований закона и влечёт возможность признания сделки недействительной [3, с. 7].

Так, решением Набережночелнинского городского суда был признан недействительным договор купли-продажи. Истец обратился в суд с просьбой о признании договора купли-продажи нежилого помещения недействительным и применении последствий недействительности сделки. Согласно заявлению истца, ответчики реализовали свою долю в общей собственности на нежилое помещение, проигнорировав право преимущественной покупки истца. Рассмотрев данное дело, суд удовлетворил заявленные требования[4].

Однако в отличие от жилых помещений, где круг сосособственников зачастую ограничен членами одной семьи, в отношении нежилых объектов нередко речь идёт о хозяйствующих субъектах, использующих помещения для осуществления предпринимательской деятельности. В этих условиях реализация преимущественного права приобретения доли может осложняться отсутствием должной коммуникации между сосособственниками, разными экономическими интересами и оценками рыночной стоимости имущества. Кроме того, юридическая природа нежилых помещений, как объектов коммерческого использования, предполагает необходимость учёта не только норм гражданского, но и административного, градостроительного и налогового законодательства.

Особую сложность представляет вопрос о фактическом использовании помещения после заключения договора купли-продажи доли. Поскольку каждый сосособственник обладает правом на владение

и пользование имуществом в пределах своей доли, в случае отчуждения доли третьему лицу возникает необходимость определения порядка пользования помещением [5, с. 53]. На практике такие ситуации нередко приводят к конфликтам, особенно если новый участник долевой собственности стремится использовать объект в целях, не согласующихся с ранее сложившимся порядком эксплуатации. Судебная практика в подобных случаях исходит из необходимости достижения соглашения между всеми сосособственниками или, при невозможности такового, определения порядка пользования через суд.

Так, истец обратилась в суд с иском к ответчику о возложении обязанности устранить препятствия в пользовании 1/10 доли в праве собственности на нежилое встроенное помещение. Ответчик является собственником 9/10 долей в спорном имуществе. В добровольном порядке передать ключи от нежилого помещения и определить порядок пользования ответчик отказался. Требования истца суд удовлетворил и определил между истцом и ответчиком порядок пользования нежилым встроенным помещением, определив в пользовании истца комнату площадью 10,5 кв.м, оставив санузел, коридоры в общем пользовании [6].

Не менее важным аспектом является государственная регистрация перехода права собственности. В силу статьи 131 ГК РФ и статьи 551 ГК РФ переход права собственности на недвижимое имущество подлежит обязательной государственной регистрации в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН). Для регистрации договора купли-продажи доли необходимо представить документы, подтверждающие соблюдение преимущественного права покупки другими участниками долевой собственности. Отсутствие такого подтверждения влечёт отказ в государственной регистрации сделки.

Следует отметить и специфику оценки нежилых помещений при их отчуждении. В отличие от жилых объектов, цена на которые формируется в большей степени под воздействием социально-бытовых факторов, стоимость нежилых помещений зависит от их функционального назначения, технических характеристик, расположения, транспортной доступности, а также от экономической конъюнктуры рынка коммерческой недвижимости. Это порождает необходимость проведения независимой оценки перед совершением сделки, особенно в случаях, когда доля отчуждается юридическому лицу [7, с. 470].

Правовая наука и практика указывают также на необходимость дальнейшего совершенствования регулирования сделок с долями в нежилых помещениях. Так, ряд исследователей обращает внимание на то, что нормы о преимущественном праве покупки зачастую создают искусственные препятствия для свободного оборота долей и снижают

инвестиционную привлекательность объектов коммерческой недвижимости. В этой связи представляется целесообразным разработать более гибких механизмов, обеспечивающих баланс между защитой прав собственников и эффективностью гражданского оборота.

Кроме того, актуальной проблемой остаётся неопределённость в вопросе о возможности выдела доли в натуре применительно к нежилым помещениям. Поскольку такие объекты, как правило, представляют собой единое функциональное пространство (офис, склад, торговая площадь), технический раздел их в натуре зачастую невозможен. Следовательно, продажа доли фактически означает передачу части права собственности без физического выделения, что создаёт риск затруднений в последующем распоряжении объектом.

В заключение следует отметить, что специфика купли-продажи нежилых помещений, находящихся в долевой собственности, проявляется в сочетании норм гражданского права с положениями иных отраслей законодательства, а также в необходимости учитывать интересы всех участников общей собственности. Правовое регулирование в данной сфере должно обеспечивать баланс между свободой договора, стабильностью гражданского оборота и защитой прав собственников. Усиление требований к прозрачности процедур уведомления, уточнение критериев оценки и механизмов реализации преимущественного права покупки, а также развитие судебной практики по вопросам порядка пользования нежилыми помещениями в долевой собственности представляются ключевыми направлениями дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Старченко Ю.В. Особенности долевой собственности на общее имущество собственников помещений в нежилом здании // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 3. С. 155-192.
3. Ишамятова И. Х. Осуществление преимущественного права покупки доли в праве общей долевой собственности // Организация работы с молодежью. 2019. № 2. С. 7.
4. Решение Набережночелнинского городского суда № 2-3362/2025 2-3362/2025~М-1271/2025 М-1271/2025 от 13 марта 2025 г. по делу № 2-3362/2025 // Судебные и нормативные акты РФ: Крупнейшая в сети база судебных и нормативных актов URL: <https://sudact.ru/>
5. Казаченок О.П. Управление общим имуществом собственниками коммерческой недвижимости // Legal Concept. 2014. №3. С. 51-54.

6. Решение Ленинского районного суда г. Оренбурга № 2-6700/2018 2-6700/2018~М-6343/2018 М-6343/2018 от 13 ноября 2018 г. по делу № 2-6700/2018 // Судебные и нормативные акты РФ: Крупнейшая в сети база судебных и нормативных актов URL: <https://sudact.ru/>
7. Пасикова М.И., Дуванская Е.В. Технология оценки нежилой недвижимости // Форум молодых ученых. 2017. № 4 (8). С. 469-471.

2.3. СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ; ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦ, ПОДЛЕЖАЩИХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЕ

Ковалёв Сергей Викторович

*старший преподаватель,
ФГКОУ ВО Восточно-Сибирский
институт МВД России,
РФ, г. Иркутск*

THE LEGAL BASIS FOR THE ACTIVITIES OF THE DEPARTMENTS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA TO ENSURE THE SAFETY OF PERSONS SUBJECT TO STATE PROTECTION

Kovalev Sergey Viktorovich

*Senior Lecturer,
Federal State Educational Institution
of Higher Education,
East Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Russia, Irkutsk*

Аннотация. В рассматриваемой статье автором исследуются правовые основы деятельности подразделений МВД России, связанных с обеспечением безопасности лиц, подлежащих государственной защите. Проанализированы основные нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность указанного института. Помимо этого, рассматриваются перечень защищаемых лиц и меры безопасности, применяемые в рамках государственной защиты. Автором уделяется внимание на проблемы и предлагаемые перспективы развития правового регулирования деятельности подразделений МВД России в сфере обеспечения безопасности. Сделаны выводы о необходимости совершенствования нормативной базы

и улучшения межведомственного взаимодействия для повышения эффективного защиты.

Abstract. In this article, the author examines the legal basis of the activities of the departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia related to ensuring the safety of persons subject to state protection. The main regulatory legal acts regulating the activities of this institute are analyzed. In addition, the list of protected persons and security measures applied within the framework of state protection are considered. The author pays attention to the problems and proposed prospects for the development of legal regulation of the activities of the departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the field of security. Conclusions are drawn about the need to improve the regulatory framework and improve interagency cooperation to increase effective protection.

Ключевые слова: государственная защита, безопасность, правоохранительные органы, защищаемые лица, меры безопасности, совершенствование законодательства.

Keywords: state protection, security, law enforcement agencies, protected persons, security measures, improvement of legislation.

Один из важнейших аспектов деятельности правоохранительных органов – обеспечение безопасности лиц, подлежащих государственной защите. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью охраны жизни и здоровья представителей судебной системы, правоохранительных органов, а также участников уголовного судопроизводства. Институт государственной защиты направлен не только на обеспечение безопасности указанных субъектов, но и оказывает существенное влияние на эффективность всего процесса правосудия. Злободневность затронутой автором темы подтверждается и текущими внешнеполитическими событиями.

Деятельность подразделений МВД России по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, регулируется системой нормативно-правовых актов. Основу правового регулирования составляют Конституция Российской Федерации, закрепляющая право каждого на защиту жизни и безопасности, Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [1], а также Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» [2]. Указанные нормативные акты определяют круг лиц, подлежащих защите, меры государственной защиты, порядок их

применения, а также права, обязанности и полномочия соответствующих органов.

В отношении указанных категорий лиц, при наличии достаточных данных, свидетельствующих о реальности угрозы их безопасности, в установленном законодательством Российской Федерации порядке применяются меры государственной защиты. С момента их применения соответствующее лицо приобретает статус защищаемого. Так, в период с 2006 по 2022 год количество защищаемых лиц, являвшихся участниками уголовного судопроизводства, превысило 39 тысяч человек. За тот же период в их отношении было реализовано более 94 тысяч мер безопасности [3]. Однако статистика также указывает на рост числа угроз и случаев нападений на свидетелей и потерпевших, что подчёркивает необходимость постоянного совершенствования механизмов защиты. Анализ показывает, что наиболее уязвимыми категориями остаются участники уголовного судопроизводства в регионах с высоким уровнем организованной преступности.

Анализируя уголовно-процессуальные и механизмы обеспечения безопасности, следует отметить, что их основными объектами являются участники уголовного судопроизводства. Так, в целях защиты потерпевшего, его представителя, свидетеля, а также их близких родственников и иных близких лиц, следователь вправе не указывать сведения об их личности в протоколе следственного действия, в котором они участвуют (ч. 9 ст. 166 УПК РФ) [4]. Кроме того, с целью обеспечения безопасности опознающего, по решению следователя предъявление лица для опознавания может проводиться в условиях, исключающих визуальный контакт между опознающим и опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ). Помимо указанных, в ходе предварительного расследования и на судебных стадиях уголовного процесса могут применяться и иные меры защиты, предусмотренные, в частности, ч. 3 ст. 11, ч. 2 ст. 186, п. 4 ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ [4].

Статья 17.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) устанавливает административную ответственность за нарушение общественных отношений в сфере обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемых лицах и их имуществе, а также за нарушение правил защиты персональных данных таких лиц [5, с. 40-41]. Данная норма направлена на предотвращение несанкционированного разглашения информации, которая может поставить под угрозу безопасность защищаемых лиц или нанести ущерб их законным интересам. Например, распространение сведений о месте пребывания или имуществе охраняемых лиц без соответствующего разрешения может повлечь наложение штрафа или иные административные меры в соответствии с КоАП

РФ. Таким образом, статья 17.13 играет ключевую роль в обеспечении правовой защиты конфиденциальной информации, что способствует повышению эффективности института государственной защиты.

Также в соответствии с пунктом 11 части 1 статьи 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» государственная защита является одним из основных направлений деятельности, которое обязаны обеспечивать специализированные подразделения полиции [6]. Рассматриваемый институт может реализовываться как отдельно, так и в комплексе оперативно-розыскных мероприятий. В соответствии со статьей 6 Федерального закона от 12 августа 1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [7], к числу таких мероприятий, например, можно отнести: наблюдение, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи и др.

Судебная статистика свидетельствует о том, что большинство преступлений против представителей власти квалифицируются по ст. 318 и 319 УК РФ [8]. Однако статистические данные не дают полной картины, поскольку потерпевшими могут быть не только сотрудники органов внутренних дел (ОВД), но и иные должностные лица. Уголовно-правовые меры защиты требуют детального анализа, учитывая их общественную опасность [9, с. 603].

Одной из ключевых проблем в организации деятельности подразделений МВД России, обеспечивающих государственную защиту, остаётся ограниченность материально-технических ресурсов. Например, в судебных учреждениях районного и городского уровней зачастую отсутствует специальное оборудование, необходимое для искажения голоса, что ограничивает возможности по сохранению анонимности защищаемых лиц. Кроме того, дефицит подготовленных специалистов, способных работать с техническими средствами защиты, затрудняет их эффективное применение.

Также в следственных подразделениях нередко не предусмотрены изолированные помещения, позволяющие проводить опознания и допросы в условиях, исключающих визуальный контакт между участниками процесса. Ввиду отсутствия необходимых условий, сотрудникам подразделений приходится самостоятельно придумывать способы защиты свидетелей – что может привести к утечке информации и созданию дополнительных рисков для подзащитных.

Не менее актуальной проблемой является недостаточное методическое сопровождение. Сотрудники подразделений государственной защиты остро нуждаются в расширении объёма профессиональной литературы, учебных пособий, нормативно-методических разработок и научно-практических исследований, которые бы формировали устойчивую

теоретическую базу. Повышение квалификации осуществляется, в том числе, с учётом зарубежного опыта: активно используются форматы стажировок, участие в профильных конференциях, семинарах, а также взаимодействие с иностранными экспертами в области защиты свидетелей и судей.

Отдельного внимания требует вопрос подбора и подготовки кадров. На практике большинство сотрудников, поступающих на службу в подразделения по защите, имеют опыт оперативной работы, однако специфика новой деятельности требует дополнительного обучения и переподготовки. Это связано с тем, что сегодня от сотрудников ожидается не только высокая правовая и огневая подготовка, но и развитые навыки психологической устойчивости, самоконтроля, такта и умения работать в сложной социальной среде. Только наличие этих качеств позволяет выстраивать доверительные и стабильные отношения с подзащитными и их ближайшим окружением.

Также в числе актуальных проблем следует выделить сложности межведомственного взаимодействия. Взаимодействие между различными подразделениями МВД, Следственным комитетом, органами прокуратуры, Росгвардией и ФСБ не всегда осуществляется эффективно. Особенно остро эта проблема проявляется при необходимости быстрой замены документов защищаемого лица или при реализации миграционных процедур. Недостаток координации нередко приводит к задержкам, которые могут повлиять на безопасность лиц, находящихся под защитой. Решение этой задачи требует чёткого распределения полномочий, скоординированной работы всех участников процесса, а также усиления контроля за конфиденциальностью информации.

В условиях активного распространения информации в цифровой среде возрастает значение мониторинга угроз в интернете – социальных сетях, мессенджерах и на специализированных платформах. Своевременное выявление признаков планируемого давления, провокаций или нападения на защищаемых лиц позволяет оперативно реагировать на потенциальную опасность. В ряде случаев правоохранительные органы нуждаются в незамедлительном доступе к информации, которую могут предоставить операторы связи. В связи с этим актуален вопрос о создании правовых механизмов экстренного получения данных – без необходимости прохождения длительной процедуры судебного согласования. Это позволит предотвратить преступления ещё на стадии их подготовки.

Особое внимание следует уделить проблемам применения отдельных мер безопасности, таких как предоставление огнестрельного оружия. Согласно требованиям законодательства, реализация этой меры

возможна лишь в отношении лиц, обладающих соответствующим разрешением и соблюдающих условия хранения оружия. Если такие условия отсутствуют, либо лицо не имеет навыков обращения с оружием, реализация данной меры становится невозможной, что ограничивает возможности правоохранительных органов в экстренных ситуациях.

С точки зрения правового регулирования до сих пор не определены чёткие критерии опасности, при наличии которых лицо подлежит государственной защите. Сегодня это – оценочная категория, трактуемая индивидуально должностным лицом, и потому может восприниматься субъективно. Более того, законодательство в основном ориентировано на реактивные меры, т.е. применение защиты начинается уже после появления явной угрозы. Однако на практике зафиксированы многочисленные случаи нападения на свидетелей и потерпевших без предварительных предупреждений, что указывает на необходимость внедрения более эффективных превентивных механизмов.

Отдельно стоит вопрос о смене места жительства как одной из крайних мер безопасности. Хотя закон допускает её применение, в нём отсутствует конкретный регламент или процедура, регулирующая этот процесс. Решение, как правило, принимается сотрудниками подразделения на основании профессионального опыта и степени угрозы. Такой подход даёт возможность учитывать индивидуальные особенности каждого случая, однако требует высочайшего уровня профессионализма, соблюдения мер конспирации и строгой ответственности за результаты принимаемых решений.

Не менее важным аспектом государственной защиты является оказание психологической помощи как самим защищаемым лицам, так и сотрудникам подразделений. Работа с лицами, находящимися под угрозой, требует высокого уровня эмоциональной устойчивости и профессионализма, поэтому внедрение программ психологической реабилитации и регулярное обучение сотрудников методам стресс-менеджмента являются необходимыми мерами для повышения общей эффективности системы защиты.

С учётом существующих проблем и пробелов в законодательстве целесообразно рассмотреть возможность введения чётких критериев угрозы, которые позволят стандартизировать процедуры признания лица подлежащим государственной защите. Кроме того, важным направлением является разработка правовых механизмов превентивной защиты, включая ускоренный доступ правоохранительных органов к необходимой информации и возможность оперативного принятия мер без длительных судебных процедур. Такие изменения способствовали бы снижению риска нападения и повышению уровня безопасности.

Подразделения МВД России, реализующие меры государственной защиты, сталкиваются с целым рядом организационных и правовых вызовов, затрудняющих выполнение возложенных на них задач. Для повышения эффективности их деятельности необходим комплексный подход, включающий:

- техническую модернизацию,
- совершенствование нормативно-методической базы,
- разработку правовых механизмов превентивной защиты,
- усиление межведомственного взаимодействия,
- повышение профессионального уровня кадров,
- и усиление психологической работы

Только в совокупности эти меры позволят обеспечить надёжную защиту лиц, находящихся под угрозой, и сохранить доверие общества к институтам правопорядка.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (ред. от 23.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 34. Ст. 3534.
2. Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 17. Ст. 1455.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2023 г. № 1454-47 «Об утверждении Государственной программы „Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2024–2028 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.09.2025).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.08.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
5. Вормсбехер И. А. Обеспечение безопасности лиц, подлежащих государственной защите, как функция полиции // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-bezopasnosti-lits-podlezhaschih-gosudarstvennoy-zaschite-kak-funktsiya-politsii> (дата обращения: 17.09.2025).
6. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 01.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 6. Ст. 839.

7. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 15.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
9. Седова Е. В. Правовая основа защиты сотрудников органов внутренних дел от преступных посягательств // Вестник науки. 2024. № 11 (80). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-osnova-zaschity-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-ot-prestupnyh-posyagatelstv> (дата обращения: 24.09.2025).

2.4. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНОИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ САЛДО ЕНС НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Васильева Евгения Григорьевна

*канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и уголовного процесса
Адыгейского государственного университета,
РФ, г. Майкоп*

Хачак Бэла Нальбиевна

*канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и уголовного
процесса Адыгейского
государственного университета,
РФ, г. Майкоп*

Шадже Азамат Мухамчериевич

*д-р юрид. наук,
заведующий кафедрой уголовного
права и уголовного
процесса Адыгейского
государственного университета,
РФ, г. Майкоп*

Вопросы уголовно-правовой оценки уклонения от уплаты налогов, сборов, страховых взносов в новых условиях цифровой реальности, вызывают определенные теоретические и практические проблемы, требующие научного переосмысления и законодательного разрешения в результате проведенной цифровизации в сфере налогового администрирования. Актуальность научного исследования обусловлена недостаточной разработанностью в уголовном праве современной научной концепции, связанной с квалификацией налоговых преступлений в результате проводимой трансформации налогового администрирования налоговых платежей.

Цифровизация налогового администрирования, внедрение электронных сервисов взаимодействия с налогоплательщиками, развитие цифровых технологий меняют характер налоговых правоотношений и практику выявления налоговых преступлений. Традиционные подходы к квалификации уклонения от уплаты налогов, сборов и страховых взносов, закреплённые в уголовном законодательстве и отработанные судебной практикой в нынешних условиях, испытывают деформацию: появляются новые формы уклонения и новые способы сокрытия налоговой базы, одновременно облегчаются возможности контроля и сбора доказательств со стороны государства. Это порождает правовую неопределённость в толковании состава налоговых преступлений, критериев общественной опасности действий, а также границ ответственности физических лиц, в том числе должностных лиц и налоговых агентов. Вопросы соотношения мер уголовно-правового и административного воздействия в цифровую эпоху требуют новой методологической переоценки. Перечисленные выше факторы делают задачу переосмысления квалификации уклонения от уплаты налогов в условиях цифровизации особенно актуальной и практически значимой для совершенствования законодательства и практики его применения. Наличие определенных противоречий между традиционной конструкцией состава преступления уклонения от уплаты налогов (как материального или формального состава, либо смешенного), современными механизмами налогового учета и контроля в цифровой среде, а также ограниченностью методик доказывания налоговых преступлений ведёт к правовой неопределённости, риску неправомерного привлечения к уголовной ответственности и недостаточной дифференциации мер воздействия на реальное общественно-противоправное поведение. Вследствие этого возникают вопросы: каким образом следует пересмотреть элементы состава налогового преступления, какие корректировки необходимы в действующем законодательстве, как обеспечить баланс между эффективностью налогового контроля и защитой прав налогоплательщиков при действующих уголовно-правовых запретах.

Появление новой правовой конструкции совокупной налоговой обязанности, отрицательного сальдо налогоплательщика, влечет за собой проблемы в правоприменительной деятельности при уголовно-правовой квалификации налоговых преступлений [3, С.102].

Проблемы, связанные с уголовно-правовой характеристикой налоговых преступлений при наличии отрицательного сальдо у налогоплательщика, требуют незамедлительного разрешения. Поскольку с учетом действующего законодательства и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ на текущем этапе затруднительно осуществить надлежащую квалификацию по названным составам налоговых преступлений. Текстуальное

содержание УК РФ [12] и НК РФ [8] находятся в определенной коллизии и научной разобщенности, что требует соответствующей корректировки.

Убеждены, что обязательным и необходимым является совершенствование путем реформирования действующего уголовно-правового регулирования запретов, путем приведения УК РФ в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» от 14.07.2022 № 263-ФЗ [13]. До тех пор, пока не будут разработаны надлежащие концептуальные правовые основания для привлечения к уголовной ответственности в рамках принятого Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» от 14.07.2022 № 263-ФЗ (далее – Закон № 263-ФЗ) [13] безусловно будут возникать серьезные проблемы при квалификации налоговых преступлений. Указанное безусловно способствует уделению надлежащего внимания рассматриваемому вопросу в науке уголовного права и разработке соответствующих дополнений в УК РФ. Особую значимость такого рода исследования приобретают в условиях непрекращающегося реформирования и цифровизации налогового законодательства, за которым уголовное зачастую просто не успевает [1, С.28].

Считаем, что требуется разработка принципиально новых положений уголовного законодательства, создание современных, инновационных уголовно-правовых запретов, противодействия налоговым преступлениям, в результате введения новых цифровых методов исчисления и уплаты налоговых платежей (единого налогового счета – (далее – ЕНС, новый термин введенный с 01.01.2023 г.), единого налогового платежа – (далее – ЕНП) и появления совокупной налоговой обязанности налогоплательщика (новый термин введенный с 01.01.2023 г.), введенных Законом № 263-ФЗ [11, С.8]. В связи с цифровизацией в налоговом администрировании, с возрастанием вычислительных мощностей всех технических устройств, а также их активного внедрения во все сферы жизни общества и государства, в том числе в науку финансового права, появилась возможность упрощения проведения некоторых отдельных финансовых операций в условиях развития цифровой экономики [2, С.330]. Процесс цифровой трансформации налоговой сферы, становление новой виртуальной формы экономики, поэтапно затронул цифровизацию всего общества и всех сфер жизнедеятельности российского государств [4, С.105], что безусловно отразилось на общеправовых началах налогового законодательства [5, С.61].

Анализ действующего уголовного законодательства показал отсутствие при сопоставлении и соотнесении с последними нововведениями, изменениями в налоговом администрировании, в рамках проводимой цифровизации налогового законодательства. Отметим, что действующие

уголовно-правовые запреты стали совершенно неэффективными, неработающими, не способными защитить налоговую систему РФ от преступных посягательств, и причинения ей вреда в результате уклонения от уплаты налоговых платежей при наличии отрицательного сальдо у налогоплательщика. Убеждены, что действующие уголовно-правовые запреты не являются надлежащими и результативными, не предусматривают действенных инструментов и способов, пресекающих уклонение от уплаты налоговых платежей в рамках повсеместной цифровизации, диджитализации общественных налоговых правоотношений и требуют серьезной доработки, приведение в соответствие с налоговыми инструментами.

В рамках проводимой цифровизации в налоговом администрировании принятый Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» от 14.07.2022 № 263-ФЗ[13], максимально упростил существующий до 01.01.2023 года порядок уплаты налогов и иных обязательных платежей, предусмотренных НК РФ, что безусловно привело к совершенствованию налогового администрирования.

Опишем кратко сущность новелл налогового законодательства в части введения законодательной конструкции совокупной обязанности с 01.01.2023. Законом № 263-ФЗ введены совершенно новые термины, ранее не известные налоговому праву, такие как: единый налоговый счет (далее – ЕНС), единый налоговый платеж (далее – ЕНП, существовал ранее, был изменен с учетом новой редакции ст. 11.3 НК РФ, введенной Федеральным Законом «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» от 14 июля 2022 г. № 263-ФЗ, вступила в силу с 01.01.2023) [13], совокупная обязанность, сальдо единого налогового счета, задолженность (стал термин включать не только недоимку), денежные средства, формирующие положительное сальдо единого налогового счета, уведомление об исчисленных суммах налогов, сборов, авансовых платежей по налогам, страховых взносов (т.е. порядок исчисления налога), распоряжение (принадлежность денежных средств налогоплательщика), фактически пришедшие на смену налоговой декларации. Статьи 45, 46, 47, 48, 69, 70, 76, 78, 79 НК РФ указаны полностью в новой редакции[8, 13]. Появились также нововведения – как ст. 11.3 НК РФ и глава 12 «Распоряжение суммой денежных средств, формирующей положительное сальдо единого налогового счета» [3, С.103].

Таким образом, с 1 января 2023 года вступившие в силу поправки в налоговое законодательство (Федеральный закон от 14.07.2022 № 263-ФЗ (далее – Закон № 263-ФЗ), направлены на полную трансформацию действующего ранее порядка расчетов налогоплательщиков с бюджетом. Заметим, что ранее все взаиморасчеты налогоплательщика с государством

учитывались по каждому виду налога, страхового взноса и т. д. с учетом соответствующих положений Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) [8], в настоящее время формируется новая учетная форма – единый налоговый счет (далее – ЕНС), как новый – инновационный способ внесения в казначейство причитающихся сумм уплаты налоговых платежей – единого налогового платежа (далее – ЕНП), которым по сути все суммы для исполнения совокупной обязанности будут перечисляться единым денежным траншем [1, С.30].

Полагаем необходимым указать, что Закон № 263-ФЗ породил серьезные проблемы в науке уголовного права при правоприменении и толковании, поскольку ряд научных публикаций авторов, связанных с новым законом [11, С.8], описывают существующие проблемы с которыми безусловно столкнется правоприменитель при квалификации уклонения от уплаты налоговых платежей начиная с 2023 года (ст. 198, 199 Уголовного кодекса РФ, далее – УК РФ) [12].

Проведем краткий анализ действующего законодательства для уголовно-правовой квалификации уклонения от уплаты налогов, сборов. Убеждены, что серьезную проблему для квалификации налоговых преступлений вызывает новая юридическая конструкция в налоговом праве – «совокупная обязанность». Так Закон № 263-ФЗ ввел новый термин, юридическую правовую конструкцию, обновленный правовой институт, путем замены существующей ранее категории – «налоговой обязанности по уплате налогов, сборов» (изменив конституционную обязанность по уплате налогов, п. 1 ст. 3 НК РФ [8]) на «совокупную обязанность». Так п. 2 ст. 11 НК РФ дополнен новой законодательной конструкцией с совершенно иным содержанием (большим по объему) [8]. Таким образом в науке налогового права произошла некая трансформация, преобразование института «налогового обязательства», которая предопределила необходимость постановки вопроса о разработке новой научной «концепции совокупной налоговой обязанности, механизме и порядке ее исполнения». С учетом вышеизложенного, будут возникать соответствующие проблемы при квалификации налоговых преступлений. Убеждены, что наука уголовного права совершенно не готова к надлежащей уголовно-правовой охране видоизмененных, трансформированных налоговых правоотношений. Для наиболее полной характеристики инновационного правового института необходимо обратиться непосредственно к Закону № 263-ФЗ [13], дополнившему НК РФ с 01.01.2023 года новыми положениями [8]. С 01.01.2023 года совокупная обязанность – общая сумма налогов, авансовых платежей, сборов, страховых взносов, пеней, штрафов, процентов, которую обязан уплатить (перечислить) налогоплательщик, плательщик сбора,

плательщик страховых взносов и (или) налоговый агент, и сумма налога, подлежащая возврату в бюджетную систему Российской Федерации в случаях, предусмотренных НК РФ [1, С.30]. При этом в совокупную обязанность не включаются суммы НДС, уплачиваемого в порядке, установленном статьей 227.1 НК РФ, и суммы государственной пошлины, за исключением государственной пошлины, в отношении уплаты которой арбитражным судом выдан исполнительный документ (п.2 ст. 11 НК РФ[8], в редакции Закона № 263-ФЗ [13]). Сопоставив старый и новый термины, отметим, что произошла экспансия содержания, включающего в совокупную обязанность налогоплательщика иных составных элементов кроме налогов, сборов и страховых взносов. Также законодатель ввел в оборот новый термин – «задолженность по уплате налогов, сборов и страховых взносов в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации» (далее – задолженность), включающую в себя: общую сумму недоимок (т.е. долги по налогам, сборам), а также не уплаченных налогоплательщиком, плательщиком сборов, плательщиком страховых взносов и (или) налоговым агентом пеней, штрафов и процентов, предусмотренных НК РФ, и сумм налогов, подлежащих возврату в бюджетную систему Российской Федерации в случаях, предусмотренных НК РФ, равную размеру отрицательного сальдо единого налогового счета этого лица (п.2 ст. 11 НК РФ[8], в редакции Закона № 263-ФЗ[13]). Заметим, что ранее (до 01.01.2023 года) законодатель оперировал термином недоимка, включающую в себя – сумму налога, сбора или сумму страховых взносов, не уплаченную (не перечисленную) в установленный законодательством о налогах и сборах срок, так называемые долги по налоговым платежам, обязательствам. С введением нового механизма расчета с бюджетом, с ЕНС, термин недоимка стал использоваться, только исключительно в отношении определенного своего содержания (только налоги, сборы, страховые взносы). Фактически законодатель разграничил термин недоимка и задолженность, поскольку с учетом нового определения задолженности и его содержания в п.2 ст. 11 НК РФ, в редакции Закона № 263-ФЗ, оно стало гораздо шире, чем недоимка, и стало включать в том числе недоимку (т.е. долги по налогам, сборам и страховым взносам). С учетом положений Закона № 263-ФЗ, задолженность равна отрицательному сальдо налогоплательщика, т.е. термины по содержанию равнозначные. Таким образом, термин недоимка гораздо уже чем задолженность (с учетом новой редакции ст. 11 НК РФ, абзац введен Законом № 263-ФЗ), поскольку с 01.01.2023 года задолженность всегда включает не только недоимку, но и иные составные элементы, перечисленные выше в ст. 11 НК РФ[8]. Таким образом, с 01.01.2023 года появился термин задолженность с

полностью сопоставимым ему по содержанию термином – совокупная обязанность. Заметим, что у налогоплательщика, не исполнившего надлежащим образом совокупную обязанность с учетом нового порядка, появится отрицательное сальдо, выраженное или полностью в виде задолженности (всех ее элементов, или части элементов), или только в виде наличия недоимки. Задолженность может быть равна отрицательному сальдо налогоплательщика и также включать недоимку.

Описанное выше имеет решающее значение для правильной квалификации налоговых преступлений, поскольку необходимо различать задолженность, отрицательное сальдо налогоплательщика и недоимку для установления в действиях налогоплательщиков состава налогового преступления. Очень важно помнить, что объективная сторона налогового преступления выражается в уклонении от уплаты налогов, сборов, при которых будут последствия в виде недоимки, т.е. только в виде долгов по налогам, сборам, исключая все содержание нового термина задолженность. Следовательно, уголовная ответственность будет наступать лишь за такие деяния, которые направлены на непосредственно на избежание уплаты законно установленного налога (сбора) в нарушение закрепленных в налоговом законодательстве правил исполнения совокупной налоговой обязанности, и только в отношении налогов, сборов. Таким образом, при расчете незаконно неуплаченного размера налога и (или) сбора как причиненного вреда налоговым преступлением не будет учитываться вся задолженность налогоплательщика, отраженная в виде отрицательного сальдо на ЕНС, а только недоимка, указанная на ЕНС.

Таким образом, с 01 января 2023 года введен инновационный институт единого налогового счета (ЕНС), закрепляющий новый порядок учета начислений и платежей по налогам, сборам, страховым взносам с бюджетной системой РФ. ЕНС с 2023 года открыт каждому плательщику в Федеральном казначействе, куда налогоплательщики должны перечислять единый налоговый платеж (далее – ЕНП) – определенную сумму денежных средств для исполнения совокупной налоговой обязанности в установленные сроки (взамен ранее существующей обязанности по заполнению внушительного количества платежных поручений, отдельно по каждому налогу). Для того, чтобы оформить оплату каждого отдельного обязательного платежа самостоятельным платежным поручением, в настоящее время налогоплательщик будет применять ЕНП в соответствии с положениями п. 1 ст. 58 НК РФ и с учетом содержания перечня сумм, закрепленных в п. 1 ст. 11³ НК РФ[8]. Заметим, что налоговые органы ведут учет по каждому налогоплательщику на ЕНС последнего (п. 2 ст. 11³ НК РФ[8]), на котором отражаются две величины: размер совокупной обязанности, выраженный в виде сальдо (это сумма, всех налоговых обязательств, которую

должен уплатить налогоплательщик); размер ЕНП (сумма денежных средств зачисляемая на счет налогоплательщика). Перечисленные положения важно помнить при проводимой уголовно-правовой квалификации. Обратить необходимо на положения п. 5 ст. 11³ НК РФ [8], включающего перечень документов, на основании которых налоговые органы формируют совокупную обязанность. Также следует обратить особое внимание, что на замену налоговым декларациям пришли уведомления об исчисленных суммах налогов, сборов, авансовых платежей, которые с 01.01.2024 года станут обязательными. Дополнительно следует указать, что ряд обязательных платежей при определении ЕНП при этом не учитываются (они указаны в п. 7 ст. 11³ НК РФ) [8]. Указанное необходимо учитывать при уголовно-правовой квалификации по ст. 198, 199 УК РФ [12]. Путем самостоятельного разнесения денежных средств для погашения налоговой обязанности налоговые органы определяют показатель сальдо ЕНС: положительное, если ЕНП больше совокупной обязанности (налогоплательщик выполнил всю совокупную обязанность); отрицательное – в обратном случае (наличие задолженности, недоимки); нулевое – при совпадении сумм ЕНП и совокупной обязанности (п. 3 ст. 11³ НК РФ) [8]. На налоговые органы согласно ст. ст. 69, 70 НК РФ [8] возлагается обязанность выставить требование об уплате задолженности на сумму отрицательного сальдо ЕНС с расшифровкой откуда и в каком размере образовалась задолженность, или недоимка [1, С.31]. Так как на основании положений ст. 32 НК РФ [8] это будет основанием для возбуждения уголовного дела при наличии оснований и состава преступления, предусмотренного ст. 198, 199 УК РФ [12]. Перечисленные выше факты имеют решающее значение при надлежащей квалификации налоговых преступлений по ст. 198, 199 УК РФ с 01.01.2023 года [12]. Поскольку не всегда наличие задолженности, отрицательного сальдо после 01.01.2023 года будет свидетельствовать о совершенном налоговом преступлении. Главным критерием для квалификации налоговых преступлений по ст. 198, 199 УК РФ [12] будет сумма налога (сбора) неуплаченная в результате уклонения, соответствующая крупному или особо крупному ущербу. Заметим, что диспозиции ст. 198, 199 УК РФ по сути аналогичны и отличаются лишь субъектом преступления – налогоплательщиками: физические лица, или должностные лица [12].

Объективная сторона преступления выражается в уклонении от уплаты налоговых платежей с помощью способов, перечисленных в ст. 198, 199 УК РФ [12] (путем непредставления налоговой декларации или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является

обязательным, либо путем включения в налоговую декларацию или такие документы заведомо ложных сведений).

Следовательно, в условиях функционирования механизма ЕНС, ЕНП основным обязательным документом становится с 01.01.2024 г. уведомление об исчисленных суммах платежей (п. 9 ст. 58 НК РФ) [8], являющееся правовым основанием для налоговых органов, для распоряжения денежными средствами плательщика для перечисления их в соответствующие бюджеты. Важным нововведением, являются положения п. 9 ст. 58 НК РФ (в новой редакции) [8], обязывающие налогоплательщиков, кроме представления деклараций (расчётов) представлять в налоговые органы «Уведомления об исчисленных суммах налогов». Обязанность по представлению Уведомления возникает в случае, если законодательством о налогах и сборах предусмотрена уплата (перечисление) налогов и страховых взносов до представления отчётности (данные случаи описаны в НК РФ). Уведомление об исчисленных суммах представляется в налоговый орган не позднее 25 числа месяца, в котором установлен срок уплаты налога и страховых взносов. Нововведения введены Федеральным Законом «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» от 14 июля 2022 г. № 263-ФЗ [13]. Форма Уведомления утверждена приказом ФНС России от 02.03.2022 № ЕД-7-8/178 «Об утверждении формы уведомления об исчисленных суммах налогов, авансовых платежей по налогам, страховых взносов, а также формата его представления в электронной форме» [10]. Уведомление содержит пять показателей: ИНН КПП, КБК, ОКТМО, срок уплаты. Еще раз отметим, что 01.01.2024 года налоговые декларации будут заменены на уведомления. Следовательно диспозиции ст. 198, 199 УК РФ будут содержать неактуальные и недействующие способы совершения преступлений [12]. Также важно учитывать размер задолженности, причиненного ущерба публично-правовому образованию. Таким образом, можно сказать, что уведомление – это фактически резервирование переплаты на ЕНС и налоговый орган понимает какую сумму налогоплательщик рассчитал для уплаты в бюджет. Исходя из разницы между денежными средствами, поступившими в качестве ЕНП, и совокупной обязанностью по уплате обязательных платежей в бюджетную систему, на едином налоговом счёте будет определяться положительное, отрицательное или «нулевое» сальдо. Для четкого представления о реальном исполнении налоговой обязанности и формировании действительной и достоверной информации о фактических налоговых обязательствах налогоплательщиков введен механизм получения соответствующей справки от налогового органа. Так, в соответствии с п.10 ст.32 НК РФ (в новой редакции) [8] налоговый орган по запросу налогоплательщика представляет: справку о наличии положительного, отрицательного или

нулевого сальдо ЕНС в течение пяти дней со дня поступления в налоговый орган соответствующего запроса[6, С.164].

Следовательно, для правильной квалификации по ст. 198, 199 УК РФ[12] необходимо установить факт совершения деяния – действий, отражающих объективную сторону преступления, то есть факт уклонения от уплаты обязательных платежей одним из указанных в диспозиции статей способов. При этом немаловажно понимать, что эти деяния могут быть совершены исключительно с прямым умыслом для признания их преступного характера (п. 8 постановления Пленума ВС РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 48) [9].

Следует учитывать, что только один факт наличия задолженности перед бюджетом по налоговым платежам (в новых условиях – при факте выявления отрицательного сальдо) не будет свидетельствовать о совершении преступления, так как для надлежащей квалификации налогового деяния налогоплательщика необходимо установить, умысел в части искажения налоговой декларации, а с 01.01.2024 уведомления (также перечисленных в п. 5 ст. 11³ НК РФ документов, как основание для формирования суммы совокупной обязанности), и намерений избежать необходимость перечисления денежных средств в бюджет в установленных законом порядке сроках и размерах. Обращаем внимание на показатель срока уплаты – это срок, установлен законом, с 01.01.2023 года – это единый срок по всем налогам – 28 число. Указанные нововведения введены Федеральным Законом «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» от 14 июля 2022 г. № 263-ФЗ[13].

Таким образом, именно «уведомление» имеет решающее значение при квалификации деяний по ст. 198, 199 УК РФ. Поскольку основанием для привлечения лица к уголовной ответственности за неуплату налогов, сборов может быть: 1) фактическое непоступление подлежащих уплате денежных средств в соответствующий бюджет в установленные законом сроки в связи с тем, что в налоговые документы, которые в обязательном порядке представляются в налоговые органы, умышленно внесены заведомо ложные, искаженные сведения; либо 2) фактическое непоступление в бюджет денежных средств в связи с тем, что такие документы вообще не были представлены (это следует из п. 4 Постановления Пленума ВС РФ № 48) [9]. По смыслу п. 5 Постановления Пленума ВС РФ № 48 уведомление об исчисленных налогах и др. можно лишь по аналогии признать «иным документом», о котором идет речь в ст. 198, 199 УК РФ[12], так как Пленум ВС РФ в этой части разъяснений указывает, что «иные документы» – это

такие, которые являются приложением к декларации и служат основанием для исчисления платежей. Уведомление же в новых налоговых реалиях – это самостоятельный документ, который заменит налоговую декларацию с 01.01.2024 года (он станет обязательным в силу положений НК РФ), в нем уже есть информация об исчисленных налогах, в связи с чем убеждены, что диспозиции ст. ст. 198, 199 УК РФ совершенно не согласуются с новой редакцией НК РФ (в связи со вступлением в силу Закона № 263-ФЗ) [13]. Убеждены, что в рамках нововведений (новых терминов), по формальным основаниям налогоплательщику невозможно будет вменить уклонение от уплаты налога, сбора в связи с непредставлением уведомления об исчисленных налогах либо внесением в него заведомо ложных сведений, поскольку диспозиции ст. 198, 199 УК РФ [8], исходя из буквального толкования, а также разъяснений Пленума ВС РФ не охватывают такой документ, как уведомление об исчисленных налогах, т.е. иного способа совершения налогового преступления. Расшительное толкование полагаем не допустимым. Необходимо учитывать, определенные особенности, что с 1 октября 2023 года уведомление об исчисленных налогах считается не представленным полностью или частично в случае выявления несоответствия между заявленными суммами обязательных платежей и контрольными соотношениями, данными о которых формально могут обладать лишь налоговые органы [14]. Следовательно уведомление об исчисленных налогах крайне важный документ, влияющий на уголовно-правовую квалификацию налоговых преступлений, поскольку с 01.01.2023 года он фактически заменил старые инструменты, способы (налоговую декларацию) совершения налоговых преступлений, перечисленные в ст. 198, 199 УК РФ [12].

Результаты проведенного исследования позволяют прийти к следующему. Необходимо обратить особое внимание на дальнейшее научное изучение актуальных вопросов квалификации налоговых преступлений по ст. 198, ст. 199 УК РФ [12] в рамках принятого Закона № 263-ФЗ, особенно в отношении способов совершения. Авторами выявлены и охарактеризованы ключевые аспекты нововведений в рамках принятого Закона № 263-ФЗ [13], проанализированы отдельные положения в налоговом администрировании, способные повлиять на уголовно-правовую характеристику налоговых преступлений, предусмотренных ст. 198, ст. 199 УК РФ [12] при наличии отрицательного сальдо налогоплательщика. Отмечены определенные сложности в процессе правоприменения, реализации новых инструментов исполнения налоговых обязательств в современных условиях при квалификации налоговых преступлений, когда даже при наличии отрицательного сальдо ответственность наступать не будет. Отмечены ключевые аспекты, требующие совершенствования УК РФ в рамках принятого

Закона № 263-ФЗ. Обоснованным представляется серьезная доработка постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления», с учетом принятого Закона №263-ФЗ[11, С. 21].

Подводя итоги отметим, что основанием для привлечения к уголовной ответственности по ст. 198, ст. 199 УК РФ с 01.01.2023 года (после введения в действие ЕНС, ЕНП, совокупной обязанности) должно выступать наличие отрицательного сальдо налогоплательщика при условии уклонения от исполнения налоговых обязательств одним из указанных в законе способов и только. Способы совершения преступления должны быть корректно и исчерпывающим образом сформулированы в ст. 198, 199 УК РФ[12], взамен имеющихся. Без надлежащих изменений в уголовном законодательстве возникнут серьезные проблемы при квалификации налоговых преступлений. Убеждены, что проблема заключается в том, что уголовное законодательство не приведено в полное соответствие с текстом НК РФ в редакции Закона № 263-ФЗ в части регулирования ЕНС, ЕНП, совокупной обязанности в связи с чем диспозиции ст. 198, 199 УК РФ[12] не отражают все существующие актуальные способы – характеристики объективной стороны уклонения от уплаты налогов, которые следственные органы должны будут установить для вменения соответствующего состава и привлечения виновного лица к уголовной ответственности. Общественную опасность налоговых преступлений по ст. 198, 199 УК РФ[12] определяет умышленное неисполнение обязанности налогоплательщика/плательщика сборов в части корректного, достоверного предоставления необходимой документации в налоговые органы. Убеждены, что именно способы уклонения от такого предоставления или включения в соответствующие документы заведомо ложных сведений необходимо актуализировать в тексте УК РФ для создания надлежащих условий при квалификации рассматриваемых преступлений при привлечении к ответственности за налоговые преступления. В связи с изложенным полагаем обоснованным предложить обновленную редакцию УК РФ, с учетом законодательных новелл при введении таких новых правовых институтов как совокупной обязанности, ЕНС, ЕНП, единого сальдо ЕНС. В рассматриваемом контексте общественную опасность как способ совершения преступления предопределяет непредставление уведомления об исчисленных налогах либо включение в уведомление заведомо ложных сведений с целью уклонения от уплаты налогов, сборов. Полагаем обоснованным, дополнение диспозиций статей 198 и 199 УК РФ[12] прямым указанием на то, что уклонение от уплаты налогов имеет место в случаях непредставления уведомления об исчисленных налогах либо

включения в такое уведомление заведомо ложных сведений, искажающих размер подлежащих взысканию сумм налоговых платежей при образовании отрицательного сальдо налогоплательщика на ЕНС. При этом необходимо учитывать, что сам факт неуплаты налога, сбора не образует рассматриваемые составы преступления, если налогоплательщик надлежащим образом, верно и в полном объеме предоставил документы, на основании которых налоговые органы определяют совокупную обязанность, но образовалась задолженность (в том числе недоимка) с отрицательным сальдо налогоплательщика[1, С.33]. Таким образом, системный анализ уголовно-правовых подходов при квалификации налоговых преступлений, свидетельствует о выделении новых критериев квалификации, определении границ уголовной ответственности при возникновении отрицательного сальдо на ЕНС в цифровом налоговом администрировании и разработке практико-ориентированных рекомендаций по совершенствованию законодательства и доказательной практики при квалификации налоговых преступлений. С учетом выше изложенного убеждены, что необходимо надлежащим образом обратить внимание на сложившуюся проблему при квалификации налоговых преступлений, незамедлительно ее разрешить путем соответствующих дополнений ст. 198, 199 УК РФ, чтобы избежать необоснованных и неправомерных привлечений налогоплательщиков, плательщиков сборов к уголовной ответственности при наличии отрицательного сальдо на ЕНС при ненадлежащем исполнении совокупной обязанности.

Список литературы:

1. Булавко, А.А., Васильева Е.Г. Уголовно-правовая оценка уклонения от уплаты налогов в связи с введением в налоговое законодательство ЕНС и ЕНП // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 10-3 (85). С. 28-33.
2. Васильева, Е.Г. Единый налоговый платеж физического лица в условиях развития цифровой экономики РФ / Научные труды по финансовому праву «Деньги: цифровая перезагрузка». Материалы восьмой международной научно-теоретической конференции «Худяковские чтения по финансовому праву» (Алматы, 21 декабря 2020 г.). Вып. 8 / Под ред. Е.В. Порохова. Алматы: ТОО «Налоговый эксперт», 2021. С. 330-331.
3. Васильева, Е.Г. Единый налоговый счет, единый налоговый платеж как инновационная модель исполнения совокупной налоговой обязанности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 4 (259). С.101-112.

4. Васильева, Е.Г. ЕНП и ЕНС – цифровая трансформация налоговых правоотношений в условиях становления цифровой экономики / Актуальные проблемы административного и финансового права. Сборник статей. Выпуск четвертый. Краснодар: Издательство «Экоинвест», 2023. С.105-111.
5. Васильева, Е.Г. Совокупная обязанность налогоплательщика: новая система учета, механизм расчета с бюджетом // Публично-правовое обозрение. 2023. № 1. С. 61-65.
6. Васильева, Е.Г., Трахов, А.И., Хачак, Б.Н. ЕНП и ЕНС- ИННОВАЦИОННЫЕ СПОСОБЫ УКЛОНЕНИЯ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ СОВОКУПНОЙ НАЛОГОВОЙ ОБЯЗАННОСТИ: ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ // Право и управление. 2023. № 4. С. 162-171.
7. Васильева, Е. Г., Хачак Б. Н. Отрицательное сальдо единого налогового счета: новый способ уклонения от уплаты налогов, сборов, страховых взносов / Е. Г. Васильева, Б. Н. Хачак // Научные труды. Российская академия юридических наук: Труды членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXIII Международной научно-практической конференции, Москва, 23 ноября 2022 года – 25 ноября 2023 года. Том Выпуск 23. Москва: Издательская группа «Юрист», 2023. С. 643-647.
8. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (часть первая) (ред. от 15.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.10.2025) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1.
10. Приказ ФНС России от 02.03.2022 № ЕД-7-8/178 «Об утверждении формы уведомления об исчисленных суммах налогов, авансовых платежей по налогам, страховых взносов, а также формата его представления в электронной форме» // СПС КонсультантПлюс.
11. Трахов, А. И., Васильева, Е. Г., Хачак, Б. Н. ЕНП, ЕНС, совокупная налоговая обязанность: уголовно-правовая характеристика налоговых преступлений по ст. 198, ст. 199 УК РФ в современных условиях / А. И. Трахов, Е. Г. Васильева, Б. Н. Хачак // Фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития: монография. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2023. С. 7-22.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.10.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
13. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 263-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (вступил в силу с 01.01.2023) // СЗ РФ. 2022. № 29 (часть II). Ст. 5230.

14. Федеральный закон от 31.07.2023 № 389-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия абзаца второго пункта 1 статьи 78 части первой Налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6121.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЁННОГО РЕБЁНКА (СТ. 106 УК РФ): ДЕФИНИЦИИ, ДОКАЗЫВАНИЕ, СОУЧАСТИЕ

Крижановская Нина-Лиза Андреевна

*магистрант,
ФГБОУ ВО Российский государственный
гуманитарный университет,
РФ, г. Москва*

QUALIFICATION ISSUES IN MATERNAL INFANTICIDE UNDER ARTICLE 106 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: DEFINITIONS, EVIDENCE, AND COMPLICITY

Krizhanovskaya Nina-Liza Andreevna

*Master's student,
Russian State University for the Humanities,
Russia, Moscow*

Аннотация. Статья посвящена проблемам квалификации убийства матерью новорождённого ребёнка по ст. 106 УК РФ. На материале доктрины, судебной практики и междисциплинарных медицинских данных выявляются три группы узловых затруднений: дефиниционные (юридически значимое содержание понятий «новорождённый» и «психотравмирующая ситуация»), темпоральные (фиксация релевантного периода для привилегии), доказательственные (стандарт установления причинной связи между состоянием матери и деянием; пределы и роль комплексной экспертизы). Используются формально-юридический и доктринальный методы, сравнительно-правовой анализ и контент-анализ судебных актов. Обосновывается необходимость легального определения «новорождённого» и унификации подходов к «психотравмирующей ситуации», а также

дифференциация ответственности в ситуациях соучастия с учётом специального субъекта. Предложены решения *de lege ferenda* и ориентиры для разъяснений Пленума ВС РФ: закрепление 28-дневного неонатального периода с алгоритмом доказывания момента начала жизни; шкала критериев психотравмирующей ситуации; модель квалификации при соучастии; типовой перечень вопросов комплексной экспертизе (психиатр–акушер–неонатолог–психолог). Практическая значимость состоит в снижении числа ошибок переквалификации между ст. 106, 105, 109, 123 УК РФ и повышении предсказуемости судебных решений.

Abstract. The paper examines key qualification issues in maternal infanticide under Article 106 of the Russian Criminal Code. Drawing on legal doctrine, case law, and interdisciplinary medical data, it identifies three clusters of challenges: (i) definitional (the legal content of “newborn” and “psychotraumatic situation”); (ii) temporal (fixing the relevant period for the privilege); and (iii) evidentiary (standards for establishing causation between the mother’s condition and the act; scope and role of comprehensive forensic examinations). Methods include doctrinal and formal legal analysis, comparative law, and content analysis of judgments. The article argues for a statutory definition of “newborn” and a unified approach to “psychotraumatic situation,” and for differentiated liability in complicity scenarios given the special subject requirement. It proposes *de lege ferenda* solutions and guidance for the Supreme Court: entrenching a 28-day neonatal period with a proof algorithm for the onset of life; a graded scale of psychotraumatic criteria; a unified complicity model; and a standard set of questions for comprehensive examinations (psychiatrist–obstetrician–neonatologist–psychologist). Practical value lies in reducing misqualification between Articles 106, 105, 109, and 123 of the Criminal Code and enhancing the predictability of court decisions.

Ключевые слова: новорождённый, психотравмирующая ситуация, ограниченная вменяемость, судебная экспертиза, соучастие, конкуренция норм, доказывание.

Keywords: Article 106 CC RF, newborn, psychotraumatic situation, diminished responsibility, forensic examination, complicity, conflict of norms, burden of proof.

В результате долгой эволюции взглядов законодателя на убийство матерью новорождённого ребёнка к настоящему времени в современном уголовном законодательстве, как уже было указано выше, данное преступное деяние является преступлением с привилегированным составом. Это обусловлено тем, что современный законодатель считает важным такое обстоятельство, как возможное наличие у только что родившей женщины психотравмирующей ситуации или психического

расстройства. Содержание привилегии, по сути, отражает попытку сбалансировать две ценности: абсолютную охрану жизни ребёнка и учёт специфических физиологических и психических состояний матери в перинатальный и ранний неонатальный периоды. Однако, чем тоньше законодатель настраивает «механизм гуманизации», тем больше у правоприменителя возникает вопросов: где кончается гуманизм и начинается неоправданная мягкость; как отделить реально обусловленные родами состояния от ссылок на «трудные обстоятельства»; каким образом выстраивать доказывание, чтобы избежать как чрезмерной криминализации, так и «лазеек» безответственности. Анализ юридической практики и специальной литературы показал, что при квалификации преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, возникает ряд проблем. Рассмотрим их. Для удобства восприятия их можно сгруппировать в три большие блоки: (1) дефиниционные – отсутствие легальных определений ключевых понятий; (2) темпоральные – сложности с фиксацией момента и периода, релевантных для привилегии; (3) доказательственные – оценка психотравмирующей ситуации и психических расстройств, не исключающих вменяемость, а также их причинной связи с деянием. Каждый из этих блоков «подпытывает» следующий, формируя цепочку неопределённостей в следствии и суде.

Законодатель рассматривает совершение убийства вовремя (после) родов и наличие психотравмирующей ситуации, или психического расстройства только что родившей женщины как два разных состава преступления, не обязательно связанных между собою и подпадающих под одну и ту же квалификацию статьи. В связи с этим как в юридической литературе, так и на практике возникает множество спорных вопросов. Например, если женщина неоднократно рожала, и, как показала практика, сам процесс родов, равно как и вынашивания ребёнка, не доставляли ей ни серьёзного физического, ни психологического дискомфорта, следует ли в ситуации, когда она убивает своего новорождённого ребёнка сразу после родов, квалифицировать её действия по ст. 106 УК РФ? Ведь в данной ситуации можно утверждать, что ни психотравмирующей ситуации, ни психических расстройств у роженицы не было. Юридически это означает конкуренцию двух логик: «темпоральной» (достаточно лишь факта совершения деяния вовремя/сразу после родов) и «состоянийной» (необходим ещё и особый психический/психотравмирующий контекст). Разные суды по-разному расставляют акценты, что порождает разнотолк и риск непредсказуемости приговоров.

А.С. Глазков и В.К. Кулев по этому поводу отмечают, что «по правовому содержанию – да, можно, но по смыслу и законодательной идее – нет. Ведь законодателем обращается внимание на особое психологическое

состояние роженицы, однако такая идея до конца непонятна, поскольку она прямо не связана с моментом совершения преступления. Такая правовая неопределённость порождает целый ряд субъективных мнений, которые, в конечном счёте, загоняют судебную практику в тупик» [8, с. 201]. Приведённая позиция демонстрирует ключевой изъян конструкции: диспозиция «сшивает» воедино временной критерий и оценочные состояния, но не задаёт их иерархии, в результате чего суду приходится подробно мотивировать выбор «ветви» привилегии в каждом деле.

В результате анализа судебной практики было выявлено, что зачастую неверная квалификация убийства матерью новорождённого ребёнка обусловлена тем фактом, что в настоящее время в уголовном законодательстве РФ нет чёткого определения таких важнейших понятий, как «новорождённый», «психотравмирующая ситуация». В результате при квалификации анализируемого преступления возникает множество ошибок, спорных моментов, а судебная практика характеризуется непоследовательностью, разрозненностью. Отсутствие дефиниций транслируется и на следственную стадию: назначаются экспертизы разных профилей с опорой на различные медицинские школы; органы расследования апеллируют к комментариям, не совпадающим по подходам; защита – к иным межотраслевым и международным стандартам. Это удорожает и удлинняет доказывание и повышает риск отмен приговоров по мотивам неправильной правовой оценки.

Рассмотрим проблемы определения понятия «новорождённый». Как показывает анализ, в настоящее время законодательство РФ не содержит исчерпывающей информации о том, с какого момента и до какого возраста ребёнок будет считаться новорождённым. Безусловно, анализируемое понятие относится к медицине, но и для юриспруденции оно имеет ключевое значение. Неверная фиксация периода «новорождённости» автоматически смещает квалификацию: либо в сторону ст. 106 УК РФ (привилегия), либо в сторону п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (квалифицированное убийство малолетнего/беспомощного). Тем самым один календарный рубеж способен кратно изменить санкцию, что требует особой точности и единообразия.

По мнению педиатров «границы периода новорождённости определяются, с одной стороны, моментом перерезания пуповины, с другой – сроком в четыре недели (28 календарных дней) с момента перерезания пуповины. На протяжении последних лет в научной литературе формулируются предложения об уменьшении периода новорождённости до 24 календарных дней с учётом прогрессирующих акселерационных процессов» [18, с. 9]. «В акушерстве периодом новорождённости считается первая неделя жизни ребёнка» [6, с. 608]. В судебной медицине «период

новорождённости считается оконченным по истечению первых суток после рождения ребёнка» [20, с. 22]. Большая Медицинская Энциклопедия определяет, что «...новорождённый (neonatus) – ребёнок с момента рождения, первого вдоха и перерезки пуповины до четырёхнедельного возраста...» [22]. Мнение Всемирной организации здравоохранения аналогично: «...новорождённый – это ребёнок в возрасте до 28 дней...» [23]. Специалисты по уголовному праву не пришли к консенсусу: «новорождённый» – это и «2 недели» [9, с. 118–122], и даже «6 месяцев»; отдельные авторы «ставят длительность периода новорождённости в зависимость от признаков объективной стороны состава преступления... продлевая его до четырёх недель при наличии психотравмирующей ситуации» [10, с. 211]. Такой подход неприемлем: период новорождённости не может зависеть от признаков объективной стороны преступления и определяется объективными факторами – медицинскими критериями и принципом гуманизма, обусловившим выделение привилегированного состава на законодательном уровне.

Результатом отсутствия законодательного определения понятия «новорождённый», чёткого указания на его границы, на практике возникают сложности при определении того, по какой именно статье следует квалифицировать деяния правонарушителя: если новорождённый – ст. 106 УК РФ; если ребёнок не новорождённый – например, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Чёткое понимание того, какого ребёнка следует считать новорождённым, позволит суду разграничивать составы, верно квалифицировать деяния и назначать справедливое наказание. Приведём пример, широко освещённый в СМИ: «14 июля 2020 года в лесополосе на территории деревни Мотяково городского округа Люберцы был найден скелет младенца... возбудили дело по ст. 106 УК РФ... приблизительный возраст – 6–7 месяцев...» [24]. При этом, как видно, ребёнок заведомо не новорождённый. Да, чёткого понимания периода новорождённости нет, но полугодовалый ребёнок новорождённым считаться не может [11, с. 71–74]. Этот кейс показательно демонстрирует, как дефиниционная неопределённость запускает цепь процессуальных ошибок уже при возбуждении дела и чревата переквалификацией и признанием недопустимости доказательств при смене рамки расследования.

Поскольку судебная практика знает немало примеров, когда смерть ребёнка в утробе матери наступала в результате её преступных действий (бездействия), по смыслу ст. 106 УК РФ и её идеи целесообразно считать началом жизни – начало родовой деятельности, вне зависимости от срока беременности. «В большинстве случаев под моментом начала жизни новорождённого понимают момент отделения плода от материнского органа, однако такая позиция должна быть закреплена в

уголовном законе, или хотя бы получить своё обоснование в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации» [12, с. 114]. В этой связи оправдано «двухуровневое» решение: закон фиксирует 28-дневный срок, а разъяснения Верховного Суда задают алгоритм доказывания начала жизни при событиях «во время родов». Считаем необходимым согласиться с мнением К.В. Дядюна, который предлагает ввести в примечание к ст. 106 УК РФ: «Под новорождённым... понимается ребёнок с момента начала процесса рождения (появление какой-либо части тела младенца из утробы матери) до достижения четырёхнедельного возраста» [21, с. 11–16].

Другим понятием, требующим исчерпывающего определения, является «психотравмирующая ситуация». В отсутствие легальной дефиниции лица, применяющие закон, трактуют её по своему усмотрению, что ведёт к ошибкам. Так, в деле Акуленко при сходном социальном фоне указание на психотравмирующую ситуацию в приговоре отсутствует, что привело к квалификации по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ; женщину описывали как живущую в тяжёлом материальном положении, с супругом, злоупотребляющим алкоголем, и нежеланием второго ребёнка, – при этом убийство было совершено путём оставления новорождённой на балконе при низкой температуре, повлекшим смерть от переохлаждения. В другом деле – Позаренко – аналогообразные обстоятельства признаны психотравмирующими; суд квалифицировал действия по ст. 106 УК РФ и назначил 1 год 10 месяцев лишения свободы в колонии-поселении [3]. Сопоставление демонстрирует непоследовательность и потребность в унификации критериев: длительность и интенсивность стрессорной нагрузки, связь с беременностью/родами, наличие/отсутствие социальной поддержки, документальные подтверждения. В этой части оправдан ориентир для судов в форме «шкалы» критериев и шаблона доказывания, что сняло бы разноречивые оценки.

Итак, определения понятия «психотравмирующая ситуация» законодатель не даёт; по сути, это оценочная категория, так как то, что нанесёт психологическую травму одной женщине, не нанесёт её другой. По нашему мнению, под психотравмирующей ситуацией следует понимать такую, при которой на беременную и только родившую женщину в течение определённого времени оказывается постоянное психологическое, моральное и физическое давление... «Примерами таких ситуаций могут быть: смерть мужа (его отсутствие/нежелание иметь ребёнка и давление), изнасилование, повлёкшее беременность, финансовые проблемы... и иные семейные и бытовые проблемы... Время возникновения психотравмирующей ситуации значения для уголовно-правовой оценки не имеет; главным остаётся 28-дневный срок» [15, с. 43].

Параллельно необходим единый стандарт оценки психических расстройств, не исключающих вменяемости. «Такого рода расстройство должно нарушать способность лица к осознанному волевому поведению во время совершения преступления...» [14, с. 185]. Оно может возникать и во время беременности, и сразу после родов; быть кратковременным или хроническим. Для корректной квалификации важно установить, что расстройство имело место, пока ребёнок считался новорождённым; тем самым проблема вновь упирается в дефиницию «новорождённости». Показателен кейс Лыжиной: после тайной беременности и родов она, «страдая психическим расстройством, не исключающим вменяемости... сразу же после родов... выкинула новорождённого из окна... причиной смерти явилась тупая сочетанная травма», – суд квалифицировал содеянное по ст. 106 и назначил 2 года лишения свободы [4]. Этот случай подчёркивает роль комплексной экспертизы (психиатр-акушер-неонатолог-психолог): только она связывает диагноз, функциональный дефицит и «окно новорождённости», делая применение ст. 106 обоснованным.

Медицинские исследования систематизируют постродовые расстройства: «послеродовые психозы (3 дня – 1 месяц; риск суицида/инфантицида до 10%); послеродовые депрессии (10–20%; 4 недели – до года; риск 5%); послеродовые бредовые состояния (70–80%; 1 день – 6 недель; риск крайне мал)» [7, с. 334–339]. Эти данные должны учитываться при назначении экспертиз и индивидуализации наказания: различный клинический уровень – различный юридический эффект (от применения ст. 106 до невменяемости при психозах).

Полагаем целесообразным направлять женщин, убивших своих новорождённых детей, на медико-психолого-психиатрическую экспертизу; при необходимости – стационар; привлекать клинического психолога; оценивать не только диагноз, но и функциональный дефицит (способность понимать/контролировать), а также синхронизировать эти выводы с «окном новорождённости». Дополнительно следует внедрить типовые чек-листы для следователей и судов (признаки психотравмирующей ситуации, перечень документов, рекомендации по вопросам перед экспертами), что повысит качество доказывания и снизит разброс практики.

Отдельный блок – соучастие. Соучастие «ломает» логику специального субъекта: привилегия задумана для матери, но как квалифицировать соисполнителей, организаторов, подстрекателей и пособников? В литературе выделяют три модели: мать – соисполнитель (вместе с иными лицами), мать – организатор/пособник/подстрекатель при исполнителе-«не-матери», мать – действует под угрозой/уговором/обманом [19, с. 166]. Судебная практика демонстрирует разные решения.

В деле Орловых: жена осуждена по ст. 106, муж – по ч. 3 ст. 30 и п. «в» ч. 2 ст. 105; апелляция оставила приговор без изменений [5]. При распределении ролей действия матери квалифицируются по ст. 106, а соучастников – по п. «в» ч. 2 ст. 105 со ссылкой на ст. 33, что вызывает вопрос справедливости, поскольку «льгота» остаётся у матери, а иные несут ответственность по квалифицированному составу. «Второй вариант» – квалифицировать всех по ст. 106 – ошибочен из-за специального субъекта; «третий» – квалифицировать всех по п. «в» ч. 2 ст. 105 – нивелирует смысл привилегии [21, с. 560]. Системно верным видится компромисс: за матерью – привилегия (если доказаны её признаки), за остальными – ответственность по ст. 105 с учётом ролей по ст. 33. В случаях, когда мать выступает организатором/подстрекателем/пособником, часть авторов предлагает квалифицировать и её по п. «в» ч. 2 ст. 105; оппоненты справедливо указывают на «явную несправедливость»: «за причинение смерти своими руками – привилегия, чужими – квалифицированный состав»; они настаивают на применении ст. 106 и в этих ситуациях при наличии её признаков [16, с. 130]. Ключ – установить, сохранялись ли состояния, ради которых создана привилегия; при положительном ответе – мотивировать её применение, при отрицательном – переходить к общеуголовной конструкции.

Ещё одна зона риска – конкуренция и разграничение норм. Типичные ошибки – неверные переходы между ст. 106 и 105 (когда не установлено окно «новорождённости»), между 106 и 109 (когда умысел подменяется небрежностью), между 106 и 123 (когда событие по сути – незаконное прерывание беременности). Практически важно формулировать к эксперту вопросы о предвидимости последствий, наличии альтернатив безопасного поведения, времени наступления смерти, признаках запоздалой помощи (несовместимых с намерением лишить жизни).

«Медицинский аборт» – это прерывание беременности на сроке 6–8 недель после окна медикаментозного/мини-аборта [12, с. 99]; «под незаконным проведением искусственного прерывания беременности признаётся прекращение беременности... выполненное лицом без высшего мед. образования по «акушерству и гинекологии» и/или с нарушением правил (вне медучреждения, в антисанитарии и т. п.)» [2]. При разграничении ст. 106 и 123 необходимо помнить, что в ст. 106 объект – жизнь новорождённого (начало жизни – момент отделения части тела от утробы матери), а в ст. 123 – охраняемые отношения, обеспечивающие здоровье беременной; прекращение существования эмбриона – прерывание беременности, а не убийство. Отсюда вытекает требование к точной реконструкции момента начала родов/рождения и назначения квалифицированной акушерско-гинекологической экспертизы; ошибка здесь радикально меняет квалификацию и санкцию.

В заключение: для устойчивой квалификации по ст. 106 УК РФ необходимы согласованные дефиниции («новорождённый», «психотравмирующая ситуация»), унификация темпоральных границ и доказательственных стандартов, а также дифференцированная модель соучастия с сохранением смысла специального субъекта. De lege ferenda оправдано закрепление 28-дневного неонатального периода в законе (с одновременным разъяснением Пленума ВС по доказыванию момента начала жизни), утверждение шкалы критериев психотравмирующей ситуации и стандартных вопросов комплексной экспертизе, а также ведомственные методические рекомендации для следствия и надзора. Эти шаги сократят число ошибок переквалификации и повысят предсказуемость судебных решений.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. О судебной практике по делам об убийстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.
3. Приговор Вологодского районного суда по делу № 1-143/2021 от 26.07.2021. Электрон. ресурс. URL: [https://rospravosudie.com/...](https://rospravosudie.com/) (дата обращения: 23.08.2024).
4. Приговор Первомайского районного суда г. Владивостока по делу № 1-354/17 от 07.09.2022. Электрон. ресурс. URL: [http://sudact.ru/...](http://sudact.ru/) (дата обращения: 23.08.2024).
5. Приговор Сормовского районного суда г. Нижнего Новгорода по делу № 1-100/2017. Электрон. ресурс. URL: <https://sormovskynnov.sudrf.ru> (дата обращения: 20.08.2024).
6. Айлмазян Э.К., Серов В.Н., Савельева Г.М. Акушерство. Национальное руководство. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2019. 608 с.
7. Баранова М.С. Уголовно-правовое регулирование убийства матерью новорождённого ребёнка в российском законодательстве // Мат-лы междунар. науч-практ. конф. «Актуальные проблемы государства, права и гуманитарных наук». 2021. С. 334–339.
8. Глазков А.С., Кулев В.К. Сложности квалификации ст. 106 УК РФ «Убийство матерью новорождённого ребёнка» // Труды Междунар. симпозиума «Надёжность и качество». 2022.
9. Зимина У.Е. Некоторые вопросы квалификации убийства матерью новорождённого ребёнка // Инновационная наука. 2021. № 11. С. 161–169.
10. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов: Полиграфист, 2019. 211 с.

11. Мальшева Е.С. Проблемы квалификации убийства матерью новорождённого ребёнка // Мат-лы междунар. науч-практ. конф. «Актуальные проблемы юридической науки и практики». 2020. С. 71–74.
12. Милаева М.Ю. Проблемы квалификации убийства матерью новорождённого ребёнка (ст. 106 УК РФ) // Colloquium-Journal. 2020. № 2-13 (54). С. 114.
13. Морозова О.В. Проблемные вопросы в квалификации убийства матерью новорождённого ребёнка // Аллея науки. 2019. № 2 (18). С. 560.
14. Мухачева И.М. Состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости, в соответствии со ст. 106 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2 (75). С. 185.
15. Перепёлкин В.Ю. Убийство матерью новорождённого ребёнка – привилегированный состав преступления: спорные вопросы // Юридические чтения. 2023. № 2. С. 43.
16. Романова А.С. Некоторые проблемные вопросы квалификации соучастия в преступлениях со специальным субъектом (на примере ст. 106 и ст. 131 УК РФ) // Мат-лы междунар. науч-практ. конф. «Законность в современном обществе». 2021. С. 130.
17. Сазанова Е.А. Спорные вопросы квалификации убийства матерью новорождённого ребёнка // Известия вузов. 2019. № 6. С. 118–122.
18. Сергеева К.М., Смирнова Н.Н., Суровцева А.П. Физиология и патология периода новорождённости: пособие. СПб.: Изд-во СПбГМУ, 2020. 9 с.
19. Хашина Н.Н. Проблема квалификации убийств, совершённых в соучастии // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2024. № 1 (15). С. 166.
20. Шопен И.В., Безбородов А.В. Судебно-медицинская экспертиза плодов и новорождённых: учеб-метод. рекомендации. Ставрополь: Изд-во СтГМА, 2021. 22 с.
21. Дядюн К.В. К вопросу о критериях состояния новорождённости применительно к составу ст. 106 УК РФ // Вестник института: Преступление. Наказание. Исправление. 2024. № 2 (26). С. 11–16.
22. Большая медицинская энциклопедия. Статья «Новорождённый (neonatus)». Электрон. ресурс. URL: <http://бмэ.орг/index.php/НОВОРОЖДЕННЫЙ> (дата обращения: 19.04.2024).
23. Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. Электрон. ресурс. URL: http://www.who.int/topics/infant_newborn/ru/ (дата обращения: 19.04.2024).
24. Скелет новорождённого ребёнка нашли в лесополосе Люберец. 16.09.2020. Электрон. ресурс. URL: <https://lubertsyriamo.ru/article/295861/>... (дата обращения: 17.08.2024).

ПОЖИЗНЕННОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ: СООТНОШЕНИЕ С ПРИНЦИПОМ ГУМАНИЗМА

Хамзина Анель Мерекеевна

*студент,
Западно-Казахстанский университет
имени Махамбета Утемисова,
Казахстан, г. Уральск*

LIFE IMPRISONMENT: RELATIONSHIP WITH THE PRINCIPLE OF HUMANISM

Khamzina Anel Merekeyevna

*Student,
Makhambet Utemisov West Kazakhstan University,
Kazakhstan, Uralsk*

Аннотация. В статье рассматривается институт пожизненного лишения свободы (ПЛС) и его соотношение с принципом гуманизма в уголовном праве. Проанализированы масштабы применения ПЛС в различных юрисдикциях (США, Европа, Южная Африка, Казахстан), показаны тенденции роста числа лиц, отбывающих пожизненные сроки, а также выявлены основные юридические и этические дилеммы: как обеспечить защиту общества и в то же время уважать человеческое достоинство осуждённых. Используя международную статистику, правозащитную практику и сравнительное правовое исследование, автор показывает, что ПЛС допустим, как крайняя мера только при наличии механизмов пересмотра, программ ресоциализации и гарантий прав человека. Особое внимание уделено ситуации в Казахстане, где ПЛС функционирует как альтернатива смертной казни, и обсуждается необходимость правовой реформы для гармонизации жесткости наказания с гуманистическим подходом. В заключении приводятся практические рекомендации по совершенствованию законодательства и пенитенциарной политики с целью достижения баланса между справедливостью и гуманностью.

Abstract. The article examines the institution of life imprisonment and its correlation with the principle of humanism in criminal law. It analyzes the scope of applying life imprisonment in various jurisdictions (the USA, Europe, South Africa, and Kazakhstan), revealing the global growth in the number of life-sentenced prisoners and identifying the main legal and ethical dilemmas: how to ensure public protection while respecting the human dignity of convicts. Using international statistics, human rights reports, and

comparative legal research, the author argues that life imprisonment is acceptable only as an exceptional measure, provided there are mechanisms for sentence review, resocialization programs, and guarantees of human rights. Particular attention is paid to Kazakhstan, where life imprisonment functions as an alternative to the death penalty, and the article discusses the need for legal reform to balance the severity of punishment with a humanitarian approach. Practical recommendations are proposed for improving legislation and penitentiary policy to achieve harmony between justice and humanism.

Ключевые слова: пожизненное лишение свободы; гуманизм; уголовное наказание; права человека; пересмотр приговора; ресоциализация; международное сравнение; Казахстан; Европа; США.

Keywords: life imprisonment; humanism; criminal punishment; human rights; sentence review; resocialization; comparative law; Kazakhstan; Europe; USA.

Пожизненное лишение свободы (ПЛС) – одна из наиболее тяжёлых санкций, применяемых в уголовном праве, и одновременно одна из самых спорных с точки зрения гуманизма. Для общества, пострадавшего от особо тяжких преступлений, это мера, которая может восприниматься как необходимая защита; для осуждённого – точка невозврата, лишение надежды и возможность долгих лет изоляции. В международном контексте вопрос приобретает особенно острый характер: с одной стороны, отказ от смертной казни и переход к пожизненным срокам; с другой – требования международных правозащитников и судебных инстанций, чтобы даже такие суровые наказания соответствовали принципу уважения человеческого достоинства. Эта статья посвящена тому, как институт ПЛС соотносится с принципом гуманизма: с правовыми рамками, международной статистикой, практикой разных стран (включая США, Европу, Россию, Южную Африку и Казахстан) и той дилеммой, которую можно сформулировать так: «как строгие наказания совместить с надеждой на человеческое исправление?»

Начнём с масштабов. По данным международных исследований, рост числа осуждённых к пожизненным срокам заметен и практически глобален: по оценке Penal Reform International, в 2000 году число лиц, отбывающих формальное пожизненное лишение свободы, составляло примерно 261 000, а к 2014 году – около 479 000, рост почти на 84 % за 14 лет[9]. Более свежие материалы подтверждают, что число не сокращается: отчёт The Sentencing Project за США показывает, что на 2024 год в этой стране почти 194 803 человека отбывали пожизненные сроки – что составляет одну шестую (16 %) от общей тюремной популяции США. Удивительно,

но США, несмотря на наличие лишь ~4 % мирового населения, содержат около 40 % всех лиц с пожизненными приговорами[10].

Кроме этого, международное исследование показывает, что формальные пожизненные наказания предусмотрены в законодательстве примерно 183 из 216 стран и территорий[9]. То есть институт ПЛС имеет почти глобальное распространение – но то, как он применяется на практике, сильно разнится.

Такой рост массы «пожизненных» на фоне отказа от смертной казни или её минимизации делает важной дискуссию: когда наказание становится окончательным, лишаящим всякой надежды, оно ли соответствует гуманистическим идеям уголовного права? Принцип гуманизма предполагает, что даже осуждённый остаётся человеком, с правом на достоинство, на возможность перемен. Это не означает автоматическое освобождение, но требует, чтобы наказание не становилось вечной изоляцией без какого-либо проворота. Международные стандарты в этой части постепенно формируются: например, European Court of Human Rights (ЕСПЧ) указывает, что пожизненные сроки без реальной перспективы пересмотра могут нарушать права человека[2, С. С. 110–115]. В деле *Vinter and Others v. United Kingdom* Суд постановил, что государства обязаны предусмотреть механизм пересмотра – то есть сделать наказание «открытым»-возможным хотя бы теоретически[2, С. С. 118–120].

Анализирую практику разных стран. В США, как уже отмечено, масштабы огромны: почти 56 245 человек в 2024 году служат приговоры «life without parole» (LWOP) – без права на условно-досрочное освобождение[10, С. С. 75–80]. Причём рост этой категории с 2003 года составил около 68 %. Это показывает, насколько система наказаний таргетирована именно на исключение из общества без дальнейшего пересмотра. При этом статистика показывает расовые диспропорции: почти половина отбывающих пожизненные сроки – афроамериканцы.

В Европе подход иной: там чаще предусматривается пересмотр «пожизненных» приговоров или возможность условно-досрочного освобождения. По данным отчёта SPACE I (Council of Europe), доля заключённых с пожизненным наказанием в европейских странах составляет около 3 % от общей тюремной популяции[1, С. С. 50–55]. В абсолютных цифрах – несколько тысяч человек. Европейские юрисдикции также внимательны к тому, с каким минимальным сроком человек оказывается под пересмотром, какие условия содержания и имеются ли гарантии.

В Южной Африке мы видим третий тип тенденций: по данным на март 2024 года там насчитывалось около 18 795 лиц с пожизненными сроками[1, С. С. 56–60]. Это результат ужесточения санкций, но одновременно – подчёркивает необходимость думать о пересмотре и ресоциализации.

Что касается Казахстана, статистика значительно меньше по объёму, но важна по содержанию: в открытых источниках упоминалась цифра около двухсот человек, отбывающих пожизненное лишение свободы[5, С. С. 200]. Эти данные, возможно, требуют уточнения, но дают представление, что хотя масштабы применения ПЛС здесь скромнее, вопрос о гуманности и механизмах пересмотра абсолютно релевантен.

Теперь – почему это важно с точки зрения гуманизма. Принцип гуманизма в уголовном праве запрещает рассматривать наказание исключительно как акт мести; наказание должно быть соразмерно, должно учитывать человеческое достоинство и, где возможно, способствовать исправлению. Когда наказание становится пожизненным с невозможностью пересмотра – оно превращается в заключение фактически до смерти. Такая мера может восприниматься как форма «двойной казни» (без лишения жизни, но с лишением всякой надежды). Правозащитники отмечают, что замена смертной казни пожизненной тем не менее не решает проблему, если не вводится механизм пересмотра и не обеспечивается достойное содержание. Например, Children's Rights International Network (CRIN) указывает, что 67 стран допускают пожизненные приговоры к лицам, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте – что само по себе стало предметом критики[3, С. С. 153–156].

С другой стороны – есть мощные аргументы «за» ПЛС. Одним из них является защита общества: когда преступление особой тяжести, рецидив, угроза массового характера – многие считают, что общество не может допустить возвращения преступника в свободу. Также в странах, отказавшихся от смертной казни, ПЛС выступает как альтернатива: способ сохранить строгую меру без лишения жизни. Последний аргумент – социополитический: наказание тяжкого преступления должно быть тяжёлым, иначе общественное чувство справедливости не удовлетворяется.

Но вот основные точки напряжения: если ПЛС означает отсутствие надежды, если человек – вне общества без возможности возврата – возникает вопрос: сохраняется ли смысл наказания как меры исправления принципа гуманизма? Более того – статистика демонстрирует, что пожизненные заключённые стареют, с ними растут расходы на содержание, особенно медицинскую помощь. Это экономическая нагрузка, но прежде всего – гуманитарный вызов. Например, отчёт The Sentencing Project отмечает, что из всех людей с пожизненным сроком в США 35 % в 2024 году были старше 55 лет[10, С. С. 82–86].

Отдельно стоит поговорить о мифах и общественных представлениях. Один из мифов: «Пожизненные заключённые сидят за счёт налогоплательщиков и это огромная нагрузка». Верно, содержание пожизненно

осуждённых дорого: охрана, питание, здравоохранение, возраст и болезни – всё это увеличивает расходы. Но экономический аргумент не замечает этическую дискуссию: долгосрочное содержание без перспективы освобождения – это не просто финансовая нагрузка, это вопрос о том, к чему приводит наказание, если у человека нет пути к возвращению. Другой миф: «Они просто сидят, ничего не делают и хуже – это несправедливо». Тут важно: условия содержания пожизненных заключённых сильно отличаются в разных странах. Если государство обеспечивает достойные условия, программы, медицинское сопровождение – это одно; если же это изоляция без каких-либо программ, тогда гуманизм действительно нарушается.

Когда говорить о балансе – как строгому наказанию и гуманизму – важно выделить несколько практических ориентиров: прежде всего – механизм пересмотра. Если осуждённый имеет шанс быть пересмотренным (через 15–25 лет, например), это уже сигнал системы, что наказание не навечно фиксировано, что предусмотрена надежда. Второе – доступ к программам реабилитации и достойному содержанию: медицинская помощь, образование, социальная адаптация. Третье – прозрачность и эффективность судебной защиты: возможность обжалования, пересмотра, оценки риска. Ниже приведу несколько примеров практики.

В Европе механизм пересмотра – норма: законодательство или судебная практика предусматривает, что лицо может обратиться к суду или специальному органу спустя установленный срок. В Великобритании, Нидерландах, Германии – «пожизненное» часто означает минимум 15–30 лет до возможности пересмотра, а не обязательное освобождение, но шанс есть[2, С. С. 130–135]. В Южной Африке суды акцентируют внимание на том, что даже при пожизненном наказании нельзя игнорировать личностные изменения и необходимость оценки риска[1, С. С. 70–73]. В США же, несмотря на рост LWOP, есть движения за реформу: как экономически (стареющие заключённые, медико-социальные расходы), так и морально (исправление, расовые диспропорции) [10, С. С. 95–100]. В России и Казахстане механизм пересмотра существует, но его практическая эффективность вызывает вопросы: часто условия содержания, медицинского сопровождения, психологической помощи и ресоциализации остаются слабо нормативизированными и практически реализованными.

Для Казахстана важен такой момент: страна прошла путь от применения смертной казни к конституционным изменениям и мораторию, и ПЛС стал главным высшим наказанием в уголовном праве. Но ключевой вопрос: работает ли в Казахстане механизм пересмотра, какие условия содержания, есть ли реально реабилитация – и отражается ли всё это на том, насколько система соответствует гуманистической идеи. Если нет – тогда

ПЛС может стать просто безальтернативной мерой, лишаящей смысл гуманистической ответственности правосудия.

Лично я считаю, что пожизненные сроки в отдельных случаях – оправданны. Общество имеет право на защиту, а тяжкие преступления требуют серьёзных последствий. Но при этом система должна предусмотреть возможность изменения. Человеческое достоинство не исчезает с моментом вступления в тюрьму; мы лишаемся не только свободы, но и ответственности за соблюдение базовых прав. Если наказание превращается в вечное заключение без надежды – это скорее маргинализация, чем правосудие. Как сказал один правозащитник: «Не достаточно заменить казнь на пожизненное, надо заменить её на механизм справедливости».

Рассмотрим несколько практических вопросов. Во-первых, пересмотр приговора. Законодательство должно чётко предусматривать: через сколько лет осуждённый может подать заявление на пересмотр; какие критерии оценки; кто участвует и какие гарантии. Во-вторых, условия содержания. Пожизненные осуждённые стареют, болеют. Государственные расходы существенно возрастают. Эффективнее ли рассматривать программы реабилитации, чем просто «сидеть до смерти»? Это не оправдание для преступлений, но рациональная перспектива. В-третьих, исключения – несовершеннолетние, психически больные, лица с минимальной опасностью для общества: международные стандарты требуют, чтобы такие категории были исключены или имелись специальные гарантии.

Есть и экономический аспект: содержание пожизненных заключённых – значительные расходы. Однако экономический аргумент не должен быть определяющим: гуманизм ценится не только за экономические выгоды. Тем не менее государства, рассматривая масштабы ПЛС, начинают смотреть на возраст заключённых, медицинские расходы и альтернативы – например, перевод в режимы, программы интеграции. Такие подходы отражают зрелость уголовной политики.

В итоге, что может стать ключевым выводом? ПЛС – допустимая мера в ограниченном числе случаев, но лишь на условии, что законодательство и практика создают условия для пересмотра, соблюдают стандарты обращения, обеспечивают достойные условия содержания и признают, что человек остаётся человеком. Если этого нет – санкция рискует стать символом наказания, лишённым смысла. Для стран, таких как Казахстан, которые перешли от смертной казни к пожизненному заключению, это особенно важно: не просто заменить высшую меру наказания другой, но выстроить систему, в которой наказание – заслуженное, но не исключающее человеческую перспективу.

Таким образом, сбалансированная политика наказаний – это политика, в которой ПЛС существует, но не как последняя точка; это политика,

в которой наказание несёт ответственность, но не уничтожает надежду; это политика, в которой безопасность общества и уважение к человеку идут рука об руку, а не как антагонисты. Статистика показывает масштабы проблемы – международная практика показывает пути, но выбор и политика остаются за национальными системами.

Список литературы:

1. Дренкхан К., Дудек М., Дюнкель Ф. Долгосрочное лишение свободы и права человека. – Лондон: Routledge, 2014.
2. Ван Зил Смит Д., Апплтон К. Пожизненное лишение свободы и права человека. – Оксфорд: Hart Publishing / Bloomsbury, 2016.
3. Palacin G. A. Life imprisonment and the purposes of punishment in the penal system // *Forensic Research & Criminology International Journal*. – 2023. – Т. 11, № 4. – С. 153-156.
4. Массалимкызы М. Проблема соотношения гуманизации уголовной политики и понятия справедливости при назначении наказания в Республике Казахстан // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 147-152.
5. Проблемы пожизненного лишения свободы по законодательству Республики Казахстан // *Penal Law*. – 2020. – Т. 15, № 2. – С. 197-205.
6. Мустафина Т. Гуманизация пенитенциарной системы как продвижение ненасильственных практик // *Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва. Исторические науки. Философия. Религиоведение*. – 2024.
7. Турысбек Р. С. Основы гуманизма и морали (по «Хикметам» Ходжи Ахмеда Ясави) // *Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва. Серия «Филология»*. – 2023. – Т. 142, № 1. – С. 134-145.
8. Гаскин Р. Язык, истина и литература: защита литературного гуманизма. – Оксфорд: Oxford University Press, 2013.
9. Penal Reform International. Key facts on life imprisonment. – 2023. – URL: penalreform.org/issues/life-imprisonment/key-facts.
10. Crewe B., Hulley S., Wright S. Пожизненное лишение свободы с молодого возраста: адаптация, идентичность и время. – Лондон: Palgrave Macmillan, 2020.

2.5. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ДОВЕРЯЕМ ЛИ СЛЕДОВАТЕЛЮ И ДОЗНАВАТЕЛЮ ПРИНИМАТЬ ТАКИЕ РЕШЕНИЯ?

Аристов Илья Павлович

*магистрант,
ФГБОУ ВО Университет «Дубна»,
РФ, г. Дубна*

TERMINATION OF A CRIMINAL CASE AT THE PRELIMINARY INVESTIGATION STAGE: DO WE TRUST THE INVESTIGATOR AND THE INQUIRER TO MAKE SUCH DECISIONS?

Aristov Ilya Pavlovich

*Master's student,
Dubna University,
Russia, Dubna*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос доверия законодателя к следователю в рамках предварительного расследования по уголовному делу и, в частности, его прекращения. Анализируется ситуация, приводящая к дополнительным судебным издержкам, связанных с обязанностью профессионального участника передавать уголовное дело в суд. Особое внимание уделяется праву следователя прекращать уголовное дела по определенным основаниям, а также вопросам компетенции следователя по определению изменения обстановки.

Автор исследует ограниченную процессуальными рамками свободу действий следователя и его возможность прекращать уголовные дела самостоятельно. Приводятся в пример утратившие силу статьи 26 УПК РФ и 77 УК РФ и предлагаются меры по их восстановлению.

Abstract. The article examines the issue of the legislator's trust in the investigator in the framework of the preliminary investigation of a criminal case and, in particular, its termination. The article analyzes the situation leading to additional legal costs associated with the obligation of a professional

participant to transfer a criminal case to court. Special attention is paid to the investigator's right to terminate a criminal case on certain grounds, as well as issues of the investigator's competence to determine a change in the situation.

The author explores the investigator's freedom of action limited by the procedural framework and his ability to terminate criminal cases on his own. Articles 26 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and 77 of the Criminal Code of the Russian Federation, which have become invalid, are given as an example and measures are proposed to restore them.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, основания прекращения уголовного дела, предварительное расследование, уголовное судопроизводство, уголовное преследование.

Keywords: termination of the criminal case, grounds for termination of the criminal case, preliminary investigation, criminal procedure, prosecution.

В силу принципа публичности уголовного судопроизводства следователь и дознаватель, а равно иные участники стороны обвинения (прокурор, орган дознания) в случае обнаружения признаков преступления принимают меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (ч. 2 ст. 21 УПК РФ) [1]. При этом решение о виновности лица в совершении преступления может принять только суд в ходе судебного разбирательства (п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК РФ). В досудебном же производстве задача следователя и дознавателя возбудить уголовное дело и в ходе его расследования установить обстоятельства, подлежащие доказыванию, а затем направить его в суд для рассмотрения по существу.

Вместе с тем законодатель разрешает при определенных основаниях и соблюдением условий не направлять уголовное дело в суд, а решить судьбу путем его прекращения на этапе предварительного расследования.

Учитывая данное условие, мы можем говорить о том, что законодатель доверяет следователю (дознавателю) прекратить уголовное дело, в том числе и по нереабилитирующим основаниям, то есть таким основаниям, в которых принимается решение о виновности лица.

Такое утверждение основывается на законодательной базе, например, статья 25 УПК РФ, регламентирующая прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон, прямо указывает на право следователя с согласия руководителя следственного органа свободно прекратить уголовное дело в отношении подозреваемого или обвиняемого при наличии определенного заявления от потерпевшего.

В подтверждение также стоит отметить совсем недавно принятую в уголовно-процессуальное законодательство статью 28.2 УПК РФ, регламентирующую прекращение следователем уголовного дела в связи с призывом подозреваемого (обвиняемого) на военную службу.

Как замечает К.В. Михайлов отсутствие необходимости наказания таких лиц обусловлено признанием утраты ими общественной опасности. В момент принятия решения об освобождении от наказания лицо теряет указанный признак и становится безопасным для общества, а значит и применение наказания в отношении такого лица является излишним [4].

Выходит так, что в указанных обстоятельствах законодатель доверяет следователю (дознавателю) принимать решение об окончании уголовного преследования лица, фактически совершившего преступление. Именно следователь, а не суд оценивает виновность лица в рамках расследуемого уголовного дела, и именно следователь решает вопрос о безопасности лица для общества.

Чего нельзя сказать о другом основании прекращения уголовного дела, которое традиционно существовало в отечественном процессуальном законодательстве.

До вступления в силу Федерального закона от 08.12.2003 № 161-ФЗ [3] в УПК РФ имела место быть статья 26, которая регламентировала прекращение уголовного дела в связи с изменением обстановки. Право прекратить уголовное дело принадлежало как суду, так и следователю. В дальнейшей редакции законодательства возможность прекращения уголовного дела в связи с изменением обстановки была упразднена из УПК РФ и трансформировалась в статью 80.1 УК РФ [2] в иной формулировке.

В соответствии с действующей редакцией нормативного правового акта, уголовное преследование подлежит завершению не непосредственно следователем, а передается в компетенцию суда, который уполномочен выносить решение о применении или неприменении мер уголовно-правового воздействия в виде освобождения от наказания. Как замечает А.Н. Кузнецов теперь освобождать от наказания по данному основанию может только суд, который более взвешено подходит к факту возможных изменений в обстановке [5].

В какой-то степени логика законодателя в данном вопросе нам кажется понятной. Лицо совершило преступление, а следовательно, должно понести наказание, назначенное судом и потом уже быть освобождено от этого самого наказания в соответствии с ранее указанной статьей 80.1 УК РФ. Это необходимо для обеспечения соблюдения процессуальной формы и завершения всех этапов уголовного судопроизводства.

А.Н. Михайлов в своей работе [6] проводит ретроспективный анализ основания прекращения уголовного дела в связи с изменением обстановки. В ходе работы автор приходит к выводу о том, что рассматриваемую форму освобождения от наказания необходимо выразить в нормативном акте в виде императивного предписания, следовательно, предлагается дополнить статью 302 УПК РФ положением, которое бы объясняло в каких случаях суд освобождал бы от наказания в связи с изменением обстановки.

Такая точка зрения нам кажется не совсем верной, так как не решает вопросы затягивания уголовного процесса с уже произошедшим фактом изменения обстановки.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством уголовное судопроизводство должно осуществляться в разумный срок. Встает вполне логичный вопрос, а разумно ли направлять уголовное дело на рассмотрение в суд, в случае, когда изменение обстановки произошло на этапе предварительного расследования? Когда и так понятно, что обстановка изменилась и лицо перестало быть общественно-опасным. Зачем приумножать процессуальные издержки в виде денежных средств, времени и прочего, когда факт изменения обстановки приходится на этап предварительного расследования, то есть этап работы следователя? Зачем направлять материалы дела в суд, чтобы в конечном итоге после затяжного судебного разбирательства, было принято решение об освобождении от наказания в связи с изменением обстановки?

Данное обстоятельство кажется нам не совсем уместным, особенно, когда законодатель предоставляет следователю право прекращать уголовные дела самостоятельно, в частности, по основаниям перечисленным в статье 24 УПК РФ.

В соответствии с вышесказанным предлагается вернуть в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации статью и изложить её в следующей редакции:

«Статья 26 Прекращение уголовного дела в связи с изменением обстановки

1. Суд, прокурор, а также следователь и дознаватель с согласия прокурора вправе прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьями 77 Уголовного кодекса Российской Федерации, если будет установлено, что в связи с изменением обстановки данное лицо или совершенное им деяние перестали быть общественно опасными.

2. До прекращения уголовного дела лицу должны быть разъяснены основание прекращения уголовного дела и право возражать против его прекращения по данному основанию».

Исходя из вышеизложенного видится целесообразным внести изменения в Уголовный Кодекс Российской Федерации в части статьи 77 и изложить её в следующей редакции:

«Статья 77. Освобождение от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки

Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если будет установлено, что вследствие изменения обстановки это лицо или совершенное им деяние перестали быть общественно опасными».

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 (ред. от 22.04.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации – 2001. – № 52, – ст. 4921.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
3. Федеральный закон "О приведении уголовно процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации" от 08.12.2003 N 161-ФЗ // "Собрание законодательства РФ", 15.12.2003, N 50, ст. 4847.
4. Михайлов К. В. Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки // Вестник ЮУрГУ. Серия Право. 2007. №28 (100).
5. Кузнецов Анатолий Владимирович Современный подход к проблеме освобождения от наказания в связи с изменением обстановки // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. №2 (6).
6. Михайлов А. Н. Эволюция процессуальной формы освобождения от уголовной ответственности, наказания в связи с изменением обстановки в российском уголовно-процессуальном законодательстве хх-ххi веков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2021. №4 (45).

ARTICLES IN ENGLISH

SECTION 1.

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

1.2. GENERAL HISTORY

HISTORICAL AND DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT FEATURES OF THE KYRGYZ DIASPORA IN KAZAKHSTAN (1991–2023)

Sadvakassova Zhanar

*Master of philosophy degree,
D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University,
Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk*

Kapassova Gulnara

*Master of Archaeology and Ethnology,
D. Serikbayev East Kazakhstan Technical University,
Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk*

Abstract. The article explores the demographic and socio-cultural development of the Kyrgyz diaspora in Kazakhstan during the years of independence (1991–2023). It focuses on migration processes, settlement patterns, and the preservation of ethnic and cultural identity. Drawing on population census data, academic research, and regional demographic statistics, the author provides a comprehensive analysis of the Kyrgyz diaspora's quantitative dynamics, spatial distribution, and social integration within Kazakhstani society.

The study applies a systematic ethnodemographic approach that combines statistical, comparative, and content analysis methods to assess the evolution of the Kyrgyz ethnic community over three decades. Particular

attention is given to the factors influencing demographic stability, including natural population growth, cross-border mobility, and state policies aimed at promoting interethnic harmony and tolerance.

The findings reveal that, despite moderate demographic fluctuations, the Kyrgyz diaspora demonstrates a high level of ethnic resilience and successful adaptation to Kazakhstan's multicultural environment. The maintenance of language, traditions, and religious values contributes to the preservation of ethnic distinctiveness, while linguistic and cultural proximity between the Kyrgyz and Kazakh peoples facilitates social cohesion and mutual understanding.

Overall, the study concludes that the Kyrgyz diaspora represents a model of harmonious ethnic integration and cultural continuity within the broader framework of Kazakhstan's multiethnic society. Future research may focus on exploring identity transformation among the younger generation of the Kyrgyz diaspora and examining how education, digital communication, and regional migration processes shape contemporary forms of ethnic self-awareness.

Keywords: Kyrgyz diaspora, ethnodemography, migration, ethnic identity, cultural integration, independence period, Kazakhstan.

Kazakhstan is a multiethnic state where representatives of more than 130 nationalities and ethnic groups live peacefully together. One of these ethnic communities is the Kyrgyz diaspora. The settlement of the Kyrgyz people in the territory of present-day Kazakhstan dates back to ancient times; however, the formation of their modern ethno-demographic profile and socio-cultural status gained distinct features during the period of independence. After the dissolution of the Soviet Union in 1991, the border between the two fraternal states – Kazakhstan and Kyrgyzstan – was officially established, leading to a new phase in migration and interethnic relations. From this time onward, the Kyrgyz diaspora became an integral part of Kazakhstani society.

The purpose of this study is to identify the main characteristics of demographic development and ethnic integration of the Kyrgyz diaspora in Kazakhstan during the period from 1991 to 2023. Within the framework of ethnodemographic research, the concept of diaspora is defined as an ethnic group living outside its historical homeland while maintaining its cultural and linguistic identity (Safran, 1991; Sheffer, 2003). This definition serves as a theoretical foundation for analyzing the demographic stability and adaptive potential of the Kyrgyz population in Kazakhstan.

Methodologically, the research is based on statistical analysis, comparative description, and content analysis. The object of the study is the Kyrgyz

ethnic group residing in the Republic of Kazakhstan between 1991 and 2023. Statistical data from national censuses and migration reports were used to examine population dynamics, spatial distribution, and levels of integration into Kazakhstani society.

According to the Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan (2023), the 1999 census recorded 17,131 Kyrgyz residing in the country. By 2009, this number increased to 23,274, and by 2021 it reached approximately 30,000. This steady growth reflects both natural population increase and cross-border migration from neighboring Kyrgyzstan. The Kyrgyz population is mainly concentrated in the southern and southeastern regions—particularly in Zhambyl, Almaty, and Turkistan regions, as well as in the cities of Shymkent and Almaty (Abdrazakova, 2020). Historically, these areas have served as traditional settlement zones for Kyrgyz communities, many of whom are engaged in agriculture, trade, and livestock farming.

In the early years of independence, socio-economic instability in both Kazakhstan and Kyrgyzstan encouraged short-term and seasonal migration. Demoscope Weekly (2021) notes that between 1995 and 2005, an average of 5,000–7,000 Kyrgyz citizens arrived in Kazakhstan annually as labor migrants. After the 2000s, migration flows became more stable and institutionalized. As observed by Abdiraimova and Sarsenbayev (2019), this period coincided with the strengthening of Kazakhstan's policy on interethnic harmony and social cohesion. Owing to linguistic and cultural proximity, the adaptation process of the Kyrgyz diaspora was relatively smooth. The shared Turkic roots of the Kazakh and Kyrgyz languages, along with a common Islamic faith, served as key factors facilitating rapid integration and mutual understanding (Smayilova, 2022).

The social and cultural life of the Kyrgyz diaspora is shaped by the interaction between national traditions and the modern social environment. Kyrgyz cultural centers and ethnocultural associations function actively in Almaty, Shymkent, and regional centers under the umbrella of the “House of Friendship.” These organizations hold cultural festivals, national holidays, and educational programs aimed at preserving language, folklore, and traditional customs (Abdrazakova, 2020). Through ethnic schools and community initiatives, the younger generation learns the Kyrgyz language and history, which strengthens intergenerational continuity within the diaspora.

At the same time, bilingualism in Kazakh and Kyrgyz languages has become a distinctive feature of identity preservation and integration. As Smayilova (2022) emphasizes, the Kyrgyz ethnic group in Kazakhstan has maintained its ethnic identity while showing a high degree of social adaptation. This represents not a process of assimilation, but rather one of integrative adaptation, in which ethnic and civic identities coexist harmoniously.

The active participation of Kyrgyz citizens in Kazakhstan's economic life also reflects their successful integration. Most are employed in small and medium-sized enterprises, agriculture, and the service sector. Among young people, obtaining higher education in Kazakhstani universities has become a common trend, contributing to upward social mobility and strengthening the community's internal potential (Abdrazakova, 2020). Increasing interethnic marriages after 2010 (Smayilova, 2022) further demonstrate the gradual expansion of a shared cultural space while maintaining ethnic diversity.

From the standpoint of ethnic identity and national consciousness, Kazakhs and Kyrgyz share deep cultural, linguistic, and historical ties. The research of Abdrazakova (2020) and Smayilova (2022) confirms that the Kyrgyz diaspora continues to preserve its cultural identity, while simultaneously transforming within the framework of a modern multicultural state. This transformation is characterized by flexibility, bilingualism, and openness to intercultural dialogue, which collectively ensure ethnic stability and societal harmony.

As highlighted by Abdiraiymova and Sarsenbayev (2019), independent Kazakhstan has strategically developed and institutionalized a model of interethnic harmony. This state policy has contributed not only to maintaining ethnic cohesion within the Kyrgyz diaspora but also to strengthening its civic belonging to the Kazakhstani nation. Between 1991 and 2023, the Kyrgyz community experienced steady demographic growth, increased social activity, and cultural revitalization. The diaspora's example clearly demonstrates the effectiveness of Kazakhstan's approach to interethnic tolerance and the preservation of historical continuity between the two fraternal peoples.

Overall, the Kyrgyz diaspora in Kazakhstan presents a stable and harmonious model of demographic development and cultural adaptation. While quantitative demographic changes have been moderate, the quality of social integration and cultural participation has grown significantly. This indicates the success of Kazakhstan's multiethnic policy, which promotes tolerance, intercultural cooperation, and unity in diversity. Future research should explore the transformation of national identity among the younger generation of the Kyrgyz diaspora, focusing on the social impacts of migration, education, and digital communication in shaping modern forms of ethnic self-awareness.

References:

1. Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. (2023). Ethnic composition of the population of Kazakhstan: Results of the 1999, 2009, and 2021 population censuses. Astana.

2. Abdrazakova, A. (2020). Ethnic identity and issues of integration: The case of the Kyrgyz diaspora in Kazakhstan. Almaty: Kazakh University Press.
3. Smayilova, G. (2022). Ethno-demographic processes of the peoples of Central Asia. Astana: L.N. Gumilyov Eurasian National University Press.
4. Demoscope Weekly. (2021). Population and Migration in Central Asia, No.857–858.
5. Abdiraiymova, A., & Sarsenbayev, A. (2019). The periodization of the history of independent Kazakhstan. Otan Tarihy, No. 3(87).
6. Safran, W. (1991). Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return. Diaspora: A Journal of Transnational Studies, 1(1), 83–99.
7. Sheffer, G. (2003). Diaspora Politics: At Home Abroad. Cambridge: Cambridge University Press.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам CVI международной
научно-практической конференции*

№ 11 (106)
Ноябрь 2025 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 10.11.25. Формат бумаги 60х84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 6. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: socialconf@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 1

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru